

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

СБОРНИК
РОССИЙСКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
№ 1 (149)

Посвящается 100-летию начала
Первой мировой войны

АНТАНТА L'ENTENTE ENTENTE

СЕРДЕЧНОЕ СОГЛАСИЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ
L'ENTENTE CORDIALE
PENDANT LA GRANDE GUERRE
ENTENTE CORDIALE DURING
THE GREAT WAR

1914–1918

КУЧКОВО ПОЛЕ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Association Dialogue Franco-Russe
Ассоциация Франко-русский диалог

Ассоциация
«Франко-русский диалог»

Фонд поддержки
МЕЖМУЗЕЙНОГО
КОММУНИКАЦИОННОГО
ПРОСТРАНСТВА И КУЛЬТУРНО-
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ
«Связь Эпох»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. Е. НАРЫШКИН
А. П. ДЕРЕВЯНКО
А. В. ТОРКУНОВ
А. О. ЧУБАРЬЯН
С. М. ШАХРАЙ
А. Е. ПЕТРОВ
А. Н. АРТИЗОВ
С. П. КАРПОВ
А. К. ЛЕВЫКИН
Н. А. МАКАРОВ
И. И. СИРОШ
Г. Э. КУЧКОВ

Российское историческое общество, возрождая традицию публикаций Сборников Императорского русского исторического общества, предлагает вниманию читателей юбилейный сборник, посвященный 100-летию начала Первой мировой войны «Антанта: Сердечное согласие в годы Великой войны».

Наряду со статьями исследователей из России, Франции, Великобритании, Бельгии и Италии, в сборнике представлены многочисленные изображения: фотографии, живопись, акварель, рисунки, гравюры, плакаты, открытки из ведущих российских и европейских музеев и архивов, часть из которых публикуется впервые.

Сборник «Антанта» издается параллельно на трех языках: русском, французском и английском.

Издательство «Кучково поле»

БЛАГОДАРИТ ЗА ПОМОЩЬ В ПОДГОТОВКЕ АЛЬБОМА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

и лично С. А. Архангелова, В. С. Каграманову

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ АРТИЛЛЕРИИ,
ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

и лично В. М. Крылова, С. В. Успенскую

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

и лично М. Б. Пиотровского, Г. В. Вилинбахова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

А. В. СУВОРОВА

и лично В. Г. Гронского, О. В. Сотчихину

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ МО РФ

и лично А. К. Никонова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ,
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЛАНДШАФТНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ЦАРИЦЫНО»

и лично Н. Ю. Самойленко

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ СЕН-РЕМИ,
МУЗЕЙ КРЕПОСТЬ ПОМПЕЛЬ (РЕЙМС)

и лично М. Буксена

МУЗЕЙ РИСОРДЖИМЕНТО И СОПРОТИВЛЕНИЯ (ВИ-
ЧЕНЦА)

и лично М. Пассарин

БИБЛИОТЕКУ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ДОКУМЕНТАЦИИ — МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ИСТО-
РИИ (ПАРИЖ)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

и лично С. В. Мироненко

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННЫЙ АРХИВ

и лично В. Н. Кузеленкова, В. И. Коротаева

АРХИВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕ-
РИИ ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ДЕПАРТАМЕН-
ТА МИД РФ

и лично И. В. Попову

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ

КИНОФОТОФОНОДОКУМЕНТОВ

и лично О. И. Морозан

ПРЕСС-СЛУЖБУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лично

А. М. Вальковича, А. И. Гончарова, А. В. Кириллина,
А. Ю. Левычкину, К. И. Могилевского, Т. Ребезани,
Ю. И. Трашкялиса, А. А. Трубецкого, В. Е. Чурова

БЛАГОДАРИМ

ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ

Л. Н. Бочарову, О. Ю. Волкову, Е. Г. Дремову,
Т. И. Кирееву, А. О. Морозову, Т. В. Плюхину,
А. П. Слесарева, О. В. Харьковку

Концепция, составление

Г. Э. Кучков

Авторы статей

О. Р. Айрапетов (Россия),
В. О. Бочаров (Россия),
М. Буксен (Франция),
А. Н. Кайгородцев (Россия),
Ф. Конрад (Франция),
И. Митчел (Англия),
М. Пассарин (Италия),
Т. Симоенс (Бельгия),
М. К. Чиняков (Россия)

Перевод

О. Г. Андреева, О. Артющкина, А. Б. Драган, Н. Кац,
В. Е. Климанов, А. Ланглуа, Г. В. Овчинникова,
А. С. Овчинникова, А. А. Чернов

В РАБОТЕ НАД АЛЬБОМОМ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ

В. Ю. Амелина, Е. Р. Ароян, Е. Н. Гоголева,
А. А. Горельцева, П. С. Власова, К. И. Егураев,
А. О. Емельяненко, Г. В. Зайцева, А. С. Иванков,
В. В. Илюхин, А. В. Карпухина, Т. О. Коновальцева,
Е. Н. Лепилина, Т. Н. Манцевич, А. И. Махалова,
А. В. Павлова, В. С. Рыбина, Л. Ю. Трунова,
С. В. Туровцев, А. Ю. Тютюнник, Л. А. Федотова,
В. О. Филаткина, М. А. Филиппова, Д. А. Шипулина

Координатор проекта

А. А. Евдокимова

Дизайн

И. Б. Трофимов

Société historique russe

Association Dialogue Franco-Russe
Ассоциация Франко-российский диалог

L'Association
“ Dialogue Franco-Russe ”

Fondation de soutien
de la communication entre les musées
et des programmes culturels
et éducatifs “ Le Lien des Époques ”

COMITE DE REDACTION

S. E. NARYCHKINE
A. P. DEREVYANKO
A. V. TORKOUNOV
A. O. TCHUBARIAN
S. M. CHAKHRAI
A. E. PETROV
A. N. ARTIZOV,
S. P. KARPOV,
A. K. LEVYKIN,
N. A. MAKAROV
I. I. SIROCH
G. E. KOUTCHKOV

Réanimant la tradition des publications des Recueils de la Société Impériale historique russe, la Société historique russe propose à l'attention des lecteurs le recueil spéciale consacré au 100me anniversaire du commencement de la Première guerre mondiale: «L'Entente. L'Entente Cordiale pendant la Grande guerre».

Ce Recueil contient non seulement les articles des historiens russes, français, britanniques, belges et italiens, mais aussi de nombreuses photos, reproductions des tableaux, des aquarelles, des dessins, des gravures, des affiches et des cartes postales des principaux musées et archives de la Russie et en Europe.

Le recueil «L'Entente» est publié parallèlement en russe, en français et en anglais.

**LA MAISON D'ÉDITION “ KOUTCHKOVO POLE ” ADRESSE
TOUTE SA GRATITUDE POUR L'AIDE DANS
LA PRÉPARATION DE L'ALBUM**

LE MUSÉE CENTRAL D'ÉTAT DE L'HISTOIRE
CONTEMPORAINE DE LA RUSSIE
et personnellement S. A. ARKHANGELOV , V. S. KAGRAMANOVA

LE MUSÉE MILITAIRE HISTORIQUE DE L'ARTILLERIE,
DU GÉNIE MILITAIRE ET DE SIGNAL CORPS
et personnellement V. M. KRYLOV, S. V. OUSPENSKAYA

L'ERMITAGE D'ÉTAT
et personnellement M. B. PIOTROVSKY, G. V. VILINBAKHOV

LE MUSÉE MEMORIAL DE SOUVOROV
et personnellement V. G. GRONSKY, O. V. SOTTCHIKHINA

LE MUSÉE CENTRAL DES FORCES ARMÉES DE LA
FÉDÉRATION DE RUSSIE
et personnellement A. K. NIKONOV

LE MUSÉE-RESERVE HISTORIQUE ET ARCHITECTURALE,
ARTISTIQUE ET PAYSAGER “ TSARITSYNO ”
et personnellement N. Y. SAMOILENKO

LE MUSÉE HISTORIQUE SAINT-REMI , LE MUSÉE DU
FORT DE LA POMPELLE (REIMS)
et personnellement MARC BOUXIN

LE MUSÉE DU RISORGIMENTO ET DE LA RESISTANCE
(VICENCE)
et personnellement MAURO PASSARIN

LA BIBLIOTHÈQUE DE DOCUMENTATION
INTERNATIONALE CONTEMPORAINE —
LE MUSÉE D'HISTOIRE CONTEMPORAINE (PARIS)

L'ARCHIVE D'ÉTAT DE RUSSIE
et personnellement S. V. MIRONENKO

L'ARCHIVE MILITAIRE D'ÉTAT DE RUSSIE
et personnellement V. N. KOUZELENKOV, V. I. KOROTAEV

L'ARCHIVE DE LA POLITIQUE ÉTRANGÈRE DE L'EMPIRE
DE RUSSIE DU DÉPARTEMENT DOCUMENTAIRE
HISTORIQUE DU MINISTÈRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES
et personnellement I. V. POPOVA

L'ARCHIVE CENTRAL D'ÉTAT DE DOCUMENTS
AUDIOVISUELS
et personnellement O. I. MOROZAN

SERVICE DE PRESSE DE LA DOUMA D'ÉTAT
DE LA FÉDÉRATION DE RUSSIE

Et personnellement
A. M. VALKOVITCH, A. I. GONTCHAROV, A. V. KIRILLIN,
A. Y. LEVYTSCHKINA, A. A. LITVIN, K. I. MOGILEVSKY,
T. REBEZANI, Y. I. TRACHKYALIS, A. A. TROUBETZKOÏ,
V. E. TCHOUROV

NOUS REMERCIONS POUR L'AIDE PROFESSIONNELLE
L. N. BOTCHAROVA, O. Y. VOLKOVA, E. G. DREMOVA,
T. I. KIREYEVA, A. O. MOROZOVA, T. V. PLIOUKHINA,
A. P. SLESAREV, O. V. KHARKOVA

CONCEPT, COMPOSITION
G. E. KOUTCHKOV

AUTEURS
O. R. AIRAPETOV (Russie)
V. O. BOTCHAROV (Russie)
M. BOUXIN (France)
A. N. KAÏGORODTSEV (Russie)
PH. CONRAD (France)
I. MITCHELL (Angleterre)
M. PASSARIN (Italie)
T. SIMOENS (Belgique)
M. K. TCHINIAKOV (Russie)

TRADUCTION
O. G. ANDREYEVA, O. ARTIOUCHKINA, A. B. DRAGAN, N. KATZ,
V. E. KLIMANOV, A. LANGLOIS, G. V. OVTCHINNIKOVA,
A. S. OVTCHINNIKOVA, A. A. TCHERNOV

AVEC LA PARTICIPATION DE
V. YO. AMÉLINA, E. R. AROYAN, E. N. GOGOLEVA,
A. A. GORELTZEVA, P. S. VLASOVA, K. I. EGOURAYEV,
A. O. EMÉLYANENKO, G. V. ZAITZEVA, A. S. IVANKOV,
V. V. ILIOUKHIN, A. V. KARPOUKHINA, T. O. KONOVALTZEVA,
E. N. LÉPILINA, T. N. MANTZÉVITCH, A. I. MALAKHOVA,
A. V. PAVLOVA, V. S. RYBINA, L. YO. TROUNOVA,
S. V. TOUROVTZEV, A. YO. TIOUTIOUNNIK, L. A. FEDOTOVA,
V. O. FILATKINA, M. A. FILIPPOVA, D. A. CHIPOULINA

COORDINATEUR DU PROJET
A. A. EVDOKIMOVA

DESIGN
I. B. TROFIMOV

The Russian Historical Society

Association Dialogue Franco-Russe
Ассоциация Франко-российский диалог

The Association
“Franco-Russian dialogue”

Foundation for the support of communication
among the museums and of cultural
and educational programs “The Link of Epochs”

EDITORIAL BOARD

S. E. NARYSHKIN
A. P. DEREVYANKO
A. V. TORKUNOV
A. O. CHUBARIAN
S. M. SHAHRAI
A. E. PETROV
A. N. ARTIZOV
S. P. KARPOV
A. K. LEVYKIN
N. A. MAKAROV
I. I. SIROSH
G. E. KUCHKOV

Reviving the tradition of publishing Miscellanies of the Imperial Russian Historical Society, the Russian Historical Society calls readers attention to the anniversary miscellany “Entente. Entente Cordiale during the Great War” devoted to the centenary of the beginning of the World War I.

Together with the articles of the researchers from Russia, France, Great Britain, Belgium and Italy, many pictures are published in the miscellany: photographs, paintings in oil and in water-colors, drawings, engravings, posters and postcards from the leading Russian and European museums and archives, which are partially published for the first time.

The miscellany “Entente” is published in three languages in parallel: in Russian, French and English.

**PUBLISHER “KUCHKOVO POLE” IS GRATEFUL
TO THE FOLLOWING MUSEUMS AND PEOPLE FOR HELP
IN THE PREPARATION OF THIS ALBUM**

THE STATE CENTRAL MUSEUM OF CONTEMPORARY
HISTORY OF RUSSIA
and personally to S. A. ARCHANGELS, V. S. KAGRAMANOVA

THE MILITARY-HISTORICAL MUSEUM OF ARTILLERY,
ENGINEER AND SIGNAL CORPS
and personally to V. M. KRYLOV, S. V. USPENSKAYA

THE STATE HERMITAGE MUSEUM
and personally to M. B. PIOTROVSKY, G. V. VILINBAKHOV

THE STATE MEMORIAL SUVOROV MUSEUM
and personally to V. G. GRONSKY AND O. V. SOTCHIHINA

THE CENTRAL ARMED FORCES MUSEUM
and personally to A. K. NIKONOV

THE MOSCOW STATE HISTORICAL, ARCHITECTURAL,
ART AND LANDSCAPE MUSEUM-RESERVE “TSARITSYNO”
and personally to N. Y. SAMOJLENKO

THE MUSEUM FORT DE LA POMPELLE
and personally to M. BOUXIN

THE MUSEUM OF THE RISORGIMENTO
AND RESISTANCE (Vicenza)
and personally to M. PASSARIN

THE LIBRARY OF INTERNATIONAL CONTEMPORARY
DOCUMENTATION –THE MUSEUM OF CONTEMPORARY
HISTORY (Paris)

THE STATE ARCHIVE OF THE RUSSIAN FEDERATION
and personally to S. V. MIRONENKO

THE RUSSIAN STATE MILITARY ARCHIVE
and personally to V. N. KUZELENKOV, V. I. KOROTAEV

THE ARCHIVE OF FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN
EMPIRE OF THE HISTORICAL AND DOCUMENTARY
DEPARTMENT OF MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF
THE RUSSIAN FEDERATION
and personally to I. V. POPOVA

THE CENTRAL STATE ARCHIVE OF CINEMA,
PHOTOGRAFIC AND PHONOGRAFIC DOCUMENTS
and personally to O. I. MOROZAN

THE PRESS SERVICE OF THE STATE DUMA
OF THE RUSSIAN FEDERATION

And to the following people in person
A. M. VALKOVICH, A. I. GONCHAROV, A. V. KIRILLIN,
A. Y. LEVYCHKINA, A. A. LITVIN, K. I. MOGILEV, T. REBEZANI,
YU. I. TRASHKYALIS, A. A. TRUBETSKOY, V. E. CHUROV

WE ARE GRATEFUL FOR PROFESSIONAL HELP TO
L. N. BOCHAROVA, O. YU. VOLKOVA, E. G. DREMOVA,
T. I. KIREEVA, A. O. MOROZOVA, T. V. PLYUKHINA,
A. P. SLESAREV, O. V. KHARKOVA

COMPOSITION, DRAWING
G. E. KUCHKOV

AUTHORS
O. R. AIRAPETOV (Russia)
V. O. BOCHAROV (Russia)
M. BOUXIN (France)
A. N. KAIGORODTSEV (Russia)
F. CONRAD (France)
I. MITCHELL (England)
M. PASSARIN (Italy)
T. SIMOENS (Belgium)
M. K. CHINJAKOV (Russia)

TRANSLATION
O. G. ANDREEVA, O. ARTYUSHKINA, A. B. DRAGAN, N. KATZ,
V. E. KLIMANOV, A. LANGLOIS, G. V. OVCHINNIKOVA,
A. S. OVCHINNIKOVA, A. A. CHERNOV

IN THE WORK ON THE ALBUM PARTICIPATED
V. YO. AMELINA, E. R. AROYAN, E. N. GOGOLEVA,
A. A. GORELTSEVA, P. S. VLASOVA, K. I. EGURAEV,
A. O. EMELIANENKO, G. V. ZAITZEVA, A. S. IVANKOV,
V. V. ILYUKHIN, A. V. KARPUKHINA, T. O. KONOVALZEVA,
E. N. LEPILINA, T. N. MANTSEVICH, A. I. MAHALOVA,
A. V. PAVLOVA, V. S. RYBINA, L. YO. TRUNOVA,
S. V. TUROVTSEV, A. YO. TYUTYUNNIK, L. A. FEDOTOVA,
V. O. FILATKINA, M. A. FILIPPOVA, D. A. SHIPULINA

PROJECT COORDINATOR
A. A. EVDOKIMOVA

DESIGN
I. B. TROFIMOV

С. Е. НАРЫШКИН
ВЫСТУПЛЕНИЕ НА КРУГЛОМ СТОЛЕ
«ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
КУЛЬТУРА И ПАМЯТЬ» В ПАРИЖЕ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Рад приветствовать всех участников нашего международного круглого стола. Я хотел бы особо поблагодарить его организаторов. Считаю, что в сегодняшних условиях, на фоне известных событий в международной политике вокруг глубочайшего политического кризиса, который раздирает Украину, такие встречи исключительно важны. Только диалог – неконфронтационное и совместное осмысление как прошлого, так и настоящего, – открывает нам дорогу к действительно общему будущему, к созданию Европы без разделительных линий.

Я убежден, что профессиональные дискуссии историков способны повлиять на разрешение многих современных конфликтов и споров. Ведь из похожих конфликтов не раз разгорались общие пожары мировой истории. И корни их лежали не только в экономике, но в самом недопонимании народов, в незнании культуры друг друга.

В этом году многие страны мира переосмысливают уроки Первой мировой войны, начавшейся 100 лет назад. Этому событию посвящено немало международных памятных мероприятий. И полагаю, большого уважения заслуживают те, кто, несмотря на все давление и оголтелую пропаганду, продолжают развивать международные контакты.

Тема сегодняшнего круглого стола – «Первая мировая война: культура и память». Историческую память нельзя отделить от культуры и ее образов. Понятно, что здесь недостаточно известного противопоставления муз и пушек. Ситуация, конечно, и сложнее, и многограннее.

В отличие от многих других государств в России Первая мировая война была забытой на протяжении почти целого столетия. По сути, несколько поколений не знали реальной картины тех событий. Вы спросите – почему?

Во-первых, потому что ее трагедии оказались в тени революции 1917 года, в одночасье изменившей ход развития нашей страны, да и не только.

Во-вторых, к самим событиям Первой мировой в наших научных и литературных трудах было принято относиться лишь как к одному из факторов революции, как к предшественнику грандиозного социального переворота. Даже самые известные в России романы, повести об этой войне долгое время были переводами с других языков.

В наши дни тема Первой мировой войны стала занимать достойное место и в российских фильмах, и в литературе, и, конечно, в школьных учебниках. По опыту работы над новыми стандартами преподавания истории в школе могу говорить об этом ответственно.

Наша особенность в том, что по-настоящему российское общество обратилось к изучению Первой мировой войны уже после Второй мировой. В отличие, кстати, от многих государств, где памятники героям и жертвам Второй мировой возводились рядом с монументами, посвященными Первой.

Главная задача, которую ставят сегодняшние организаторы российских памятных мероприятий, – это вернуть нашему обществу знание о тех страницах истории. Отдать достойную дань памяти вкладу того поколения и его несбывшимся надеждам.

Приведу только несколько фактов. Во-первых, в 2012 году парламентом России была установлена новая памятная дата – 1 августа. То есть день вступления России в ту войну стал Днем памяти российских воинов, погибших в 1914–1918 годах.

Во-вторых, завершается подготовка к установке памятника Неизвестному Солдату Первой мировой. Это предложение было широко поддержано общественностью, что отразилось и в сборе средств на сам памятник.

В-третьих, мы начали оцифровку картотеки потерь на фронтах Первой мировой. Да, этот масштабный проект займет время.

В-четвертых, еще один проект получил название «Образы Великой войны». Одна из его задач – это сбор материалов из семейных архивов. Люди могут предоставлять как копии,

так и оригиналы. Очевидно, что далеко не все материалы сохранились.

Наконец, образы той войны – это во многом образы культуры: произведения знаменитых художников и детские рисунки тех лет, военные статьи, стихотворения и другие литературные памятники. Не только в Москве, но и во многих регионах страны уже проходят такие выставки.

Я уже не говорю о множестве образовательных и научных конференций, кино- и телепроектах, о создании новых интернет-ресурсов и пополнении библиотечных фондов. Все это делается по инициативе профессионалов и широких слоев общества.

Повторю: вся эта обширная работа, в конечном счете, направлена на осмысление уроков Первой мировой войны. Нельзя сказать, что извлечение таких уроков всегда и для всех бывает успешным. Неоспоримое свидетельство тому – само начало Второй мировой всего через два десятилетия после окончания Первой.

Мы не должны забывать, что в далеком 1914 году каждый из враждебных лагерей шел на войну под флагом «защиты национальной и европейской культуры». Однако в итоге европейская культура как таковая потерпела беспрецедентный ущерб.

С началом Первой мировой единая Европа поэтов и ученых, музыкантов и художников перестала существовать. Некоторые из них уже в дни боев стали раскаиваться в националистических и милитаристских заблуждениях. И очень немногие таких заблуждений смогли избежать.

Деятели искусства и науки разных стран, дружески сотрудничавшие до войны, разрывали связи, обвиняли друг друга, чужие государства и народы. Даже возносили благодарности, цитирую: «за крах этой мирной жизни». Так писал Томас Манн.

Мы знаем, чем все закончилось. Кроме первых в истории миллионных человеческих жертв был нанесен невосполнимый

духовный ущерб всей Европе. Одно из последствий – это вакуум ценностей, возникший на разрушениях культуры.

Нельзя забыть и то, что именно межвоенная Европа стала местом появления нацистской идеологии. И надо признать, что популярность таких взглядов не ограничивалась пределами одной страны. В тот период движения фашистского толка не были редкостью.

Уважаемые дамы и господа, хочется надеяться, что современный мир усвоил главные уроки прошлого. И задачей тех, кто в ответе за культуру, – всегда будет сближение народов, а не противопоставление их друг другу. По крайней мере, об этом ясно свидетельствует деятельность таких организаций, как ЮНЕСКО. Она, считаю, заслуживает самой серьезной поддержки. Во всяком случае, наша страна делала так на протяжении шести десятилетий и будет делать в дальнейшем.

В завершение хотел бы отметить еще один момент. Большинство вопросов о Первой мировой уже давно стало уделом не политиков, а историков. Но всем нам полезно их ставить и обсуждать. Ведь только так можно понять, в какой именно точке, на каком историческом разломе находимся сейчас мы и весь мир.

14 АПРЕЛЯ 2014 ГОДА

Круглый стол «Первая мировая война:
культура и память»
ПАРИЖ. 14 АПРЕЛЯ 2014

LA TABLE RONDE “ LA PREMIÈRE GUERRE
MONDIALE: LA CULTURE ET LA MÉMOIRE ”
PARIS. LE 14 AVRIL 2014

THE ROUND-TABLE CONFERENCE “THE FIRST
WORD WAR: CULTURE AND MEMORY”
PARIS. APRIL 14, 2014

S. E. NARYCHKINE

DISCOURS LORS DE LA TABLE RONDE

“ LA PREMIÈRE GUERRE MONDIALE :

LA CULTURE ET LA MÉMOIRE ” PARIS

CHERS COLLÈGUES !

Je suis ravi de saluer tous les participants de notre table ronde internationale. Je tiens tout particulièrement à remercier ses organisateurs. Je pense que dans le contexte actuel des événements internationaux autour de la crise politique profonde déchirant l'Ukraine, ces rencontres sont extrêmement importantes. Il n'y a que le dialogue — la compréhension non-confliktuelle et commune du passé ainsi que du présent — qui nous ouvrira les portes vers le futur vraiment commun, vers la création de l'Europe sans lignes de démarcation.

Je suis persuadé que les discussions professionnelles des historiens sont capables d'influencer le règlement de nombreux conflits et des différends d'aujourd'hui. En effet, des conflits similaires ont servi de nombreuses fois d'étincelle pour déclencher des incendies ravageurs dans l'histoire du monde. Leurs racines ne prenaient pas que dans l'économie, mais dans l'incompréhension des peuples, dans l'ignorance de la culture des uns et des autres.

Cette année beaucoup de pays du monde repensent aux leçons de la Première Guerre mondiale qui avait commencé il y a 100 ans. Cet événement a fait l'objet de nombreuses manifestations commémoratives internationales. Je pense que ceux qui essayent de continuer à développer les relations internationales, malgré toute la tension et la propagande acharnée, méritent un grand respect.

Aujourd'hui, le sujet de la table ronde est «La Première Guerre mondiale: la culture et la mémoire”. La mémoire historique ne peut pas être séparée de la culture et de ses images. Il est clair qu'au milieu des armes, les lois sont silencieuses. Néanmoins, la situation est bien évidemment plus compliquée et possède de multiples facettes.

Contrairement à de nombreux autres Etats, en Russie la Première Guerre mondiale a été oubliée pendant presque un siècle. Dans le fond, plusieurs générations ne connaissaient pas la réelle histoire de ces événements. Pourquoi? Vous demandez-vous.

Premièrement, parce que sa tragédie s'est retrouvée à l'ombre de la Révolution de 1917 qui a changé du jour au lendemain le cours du développement de notre pays, et pas que.

Deuxièmement, les événements de la Première Guerre mondiale ont été considérés dans nos travaux scientifiques et littéraires comme étant un des faits de la révolution, un prédécesseur des grands changements sociaux. Mêmes les romans et les nouvelles sur cette guerre les plus connus en Russie étaient des traductions d'autres langues.

De nos jours, le Première Guerre mondiale a pris sa vraie place dans le cinéma russe, la littérature et bien sûr dans les manuels scolaires. Je peux en parler en toute connaissance, compte tenu de mon expérience de travail d'élaboration des nouveaux standards d'enseignement d'histoire à l'école.

Notre cas est particulier car la société russe s'est véritablement tournée vers l'étude de la Première Guerre mondiale après la Deuxième Guerre mondiale, contrairement à d'autres pays où des monuments aux héros et aux victimes de la Seconde Guerre mondiale ont été érigés à côté des monuments consacrés à ceux de la Première Guerre mondiale.

Aujourd'hui, le principal objectif posé devant les organisateurs des commémorations russes est de rendre à notre société la connaissance de ces pages d'histoire : rendre hommage à la contribution de cette génération et à ses espoirs perdus.

Je ne vais citer que quelques faits.

Premièrement, en 2012 le Parlement de Russie a instauré une nouvelle date commémorative — le 1er août : jour de l'entrée de la Russie dans cette guerre devenu le jour de mémoire des soldats russes morts en 1914–1918.

Deuxièmement, la préparation finale de l'installation du monument du Soldat inconnu de la Première Guerre mondiale a été mise en place. Ceci a été largement supporté par la société et reflété dans la collecte de fonds pour le monument.

Troisièmement, nous avons commencé le chiffrage des pertes sur les fronts de bataille de la Première Guerre mondiale. Oui, ce vaste projet prendra du temps.

Quatrièmement, encore un projet a vu le jour, “ Les images de la Grande Guerre ” . Un de ses objectifs est une collecte des matériaux des archives personnelles. Les gens peuvent présenter des originaux, mais aussi des copies de documents. Evidemment, tous les documents n’ont pas été conservés.

Enfin, les images de cette guerre sont en grande partie des images de culture : des tableaux de grands peintres et des dessins d’enfants de l’époque, des articles de guerre, des poèmes et d’autres monuments littéraires. De pareilles expositions n’ont pas lieu qu’à Moscou, mais dans plusieurs régions du pays.

Et je ne parle pas de la multitude de conférences éducatives et scientifiques, de projets cinématographiques et de télévision, de la création des sources Internet et de l’enrichissement des collections des bibliothèques. Tout cela est initié par des professionnels et par la communauté au sens large.

Je répète: tout ce grand travail, en fin de compte, vise à la prise de conscience des leçons de la Première Guerre mondiale. On ne peut pas dire que ces leçons sont bénéfiques à tout le monde. La Seconde Guerre mondiale, vingt ans plus tard, en est une preuve incontestable.

Nous ne devons pas oublier qu’en 1914 chacun des camps allait à la guerre sous le drapeau de “ la protection de la culture nationale et européenne ”. Néanmoins, la culture européenne en tant que telle a subi des dégâts sans précédent.

Avec le début de la Première Guerre mondiale l’Europe unie et en paix des poètes et des scientifiques, des musiciens et des peintres a cessé d’exister. Pendant les jours de combat, certains d’entre eux ont commencé à se repentir des illusions nationalistes et militaristes. Peu nombreux étaient ceux qui avaient réussi à éviter de pareilles illusions.

Des artistes et des scientifiques, des différents pays collaborant amicalement avant la guerre, ont rompu leurs liens accusant l’un l’autre, les Etats étrangers et les peuples. Ils ont même rendu grâce, je cite, “ à l’effondrement de cette vie paisible ” , disait Thomas Mann.

Nous connaissons la fin de l’histoire. A part les premiers millions de victimes de l’histoire, toute l’Europe a subi des dégâts culturels irréparables. Une des conséquences est un vide à la place des valeurs, apparu sur les restes de la culture détruite.

Il est impossible d’oublier que c’est dans l’Europe d’entre deux guerres que l’idéologie nazie est apparue. Il faut admettre que la popularité de ces opinions ne se limitait pas à un seul pays. A cette époque, les mouvements fascistes n’étaient pas rares.

Mesdames et Messieurs, j’ose espérer que le monde d’aujourd’hui a appris les leçons principales du passé. La tâche des responsables de la culture sera toujours le rapprochement des peuples, et pas l’opposition l’un à l’autre. Au moins, cela est clairement démontré par les activités des organisations telles que l’UNESCO. Cette institution mérite le soutien le plus affirmé. En tout cas, notre pays a fait ainsi durant six décennies et continuera à le faire.

En conclusion, je tiens à mentionner que la plupart des questions sur la Première Guerre mondiale n’est plus une affaire de politiques, mais d’historiens. Il est toujours utile de nous les poser et d’en discuter. Car ce n’est que comme ça que nous pourrions comprendre à quel point, à quelle moment historique crucial nous nous trouvons et auquel le monde entier se trouve.

LE 14 AVRIL 2014

S. E. NARYSHKIN

**THE SPEECH AT THE ROUND-TABLE
CONFERENCE “THE FIRST WORD WAR:
CULTURE AND MEMORY” HELD IN PARIS**

DEAR COLLEAGUES,

I am glad to welcome all participants and guests of this international round-table conference, and I would like to express my special thanks to its organisers. I believe that in today's political environment, amid the deepest political crisis that Ukraine has encountered, such meetings are extremely important. Cooperative, non-confrontational dialogue, understanding the past and present-day challenges will open the way to the creation of the future we need, and of the European territory without any dividing lines.

I am convinced that professional discussions held by historians can contribute to the resolution of many current conflicts and disputes. The similar conflicts often resulted in unwanted consequences in the world history. Such conflicts were deeply rooted not only in economics, but also in misunderstanding between peoples, and their ignorance of each other's culture.

This year, many countries are rethinking the lessons of the First World War that started 100 years ago. Many international memorial events were timed to tie in with the anniversary. I believe that those who, despite all the pressure and unbridled propaganda, continue to promote international ties deserve considerable respect.

The subject of today's round-table conference is “The First World War: Culture and Memory”. Historical memory goes hand in hand with culture and its images. This is not quite the case with pitting muses against guns. Of course the case is more complicated and comprehensive.

As opposed to many other countries, in Russia, the First World War was forgotten for almost a century. As a matter of fact, we can't say that several generations stayed accurately informed of those events. You will ask me ‘Why?

First, to give just a few examples, because the tragedies lay deep under the shadow of the revolution of 1917 that suddenly changed the course of our country's history.

Second, the First World War events found in our scholarly and literary works were merely accepted as one of the revolution factors, and

as those resulted in a big social upheaval. Even Russia's best known stories and novels on the war have long been available in translations from other languages only.

Nowadays the subject of the First World War has found its way into Russian films, literature and schoolbooks. My responsible approach towards this issue is attributable to the experience I have in new standards of history teaching in schools.

Thanks to our efforts, the Russian have really started to take interest in the First World War long after the Second World War, unlike many countries where the monuments to heroes and victims of the Second World War were erected next to the monuments to the First World War.

Today's organisers of Russian memorial events make it the main goal to ensure that the society is familiar with those chapters of history, and to pay tribute to the memory of that generation and its frustrated hopes.

Let me name a few facts. First, in 2012, the Russian parliament approved a new memorable date, Memorial Day set to immortalise the deeds of Russian soldiers who died in the years 1914–1918, 1 August. On this very day Russia entered the war.

Second, preliminary operations to erect the Tomb of the Unknowns from the First World War are coming to an end. This proposal was widely supported by the public, which had an impact on the fundraising activities for the tomb itself.

Third, we started to digitise the records of those who died in the battlefields of the First World War. Of course it will take a long time to implement this major project.

Fourth, another project entitled “The Images of the Great War” is aimed at collecting materials from family archives. People may provide both copies and authentic documents. It is evident that only a few records are still preserved to this day.

And finally, the images of that war, they are mainly cultural im-

ages: famous works of art and children's drawings of those years, war-related articles, verses and other monuments of literature. Such exhibitions are held not only in Moscow, but also in many regions of the country.

Needless to say about those dozens of educational and scientific conferences, cinema and TV projects that address the issues of creating new Internet resources and expanding the library collection. All these acts are performed on the initiative of professionals and people at large.

Let me repeat again that these major efforts make it the ultimate aim to learn the lessons of the First World War. We can't say that learning such lessons ends in success at all times. This is quite conclusively testified by the outbreak of the Second World War just two decades after the end of the First World War.

We must not forget that it goes back to 1914 when every enemy went to war under the flag of 'protection of national and European culture'. In the end European culture itself suffered colossal damage.

After the outbreak of the First World War a single Europe of poets and scientists, musicians and artists broke up. No sooner had the hostilities broken out than some of them started to regret being under misapprehension of nationalist and militarist issues. Very few people managed to overcome that misapprehension.

People of art and science from different countries who had got on well with each other before the outbreak of the war, broke ties, accused each other, foreign countries and peoples. To express gratitude, the quotation by Thomas Mann: 'for the collapse of this living in peace' was made.

We do know how all this ended. In addition to the first-ever multi-million human losses, the entire Europe suffered an irreparable spiritual harm, with the resulting vacuum of values that came out of cultural ruins.

It is impossible to forget that inter-war Europe itself was the place where Nazi ideology came up. It is true that those opinions were popular far beyond one particular country. At the time the movements of Nazi wings were very common.

Dear Ladies and Gentlemen, we would like to hope that the present-day world has learned the main lessons of the past, and that the task of those responsible for culture will always be that of bringing peoples closer, not pitting them against each other. At least, the work of organisations such as UNESCO clearly testifies to that. This work deserves most serious support. At any rate, our country has been providing it for the past six decades and will continue doing so in the future.

In conclusion I would like to turn your attention to another issue. Most issues related to the First World War have long been discussed by historians rather than politicians. They all need to be raised and discussed because this is the only way for us to research into the historical breakup we and the world around are facing.

APRIL 14, 2014

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПОЧТОВЫЕ ОТКРЫТКИ
CARTES POSTALES PATRIOTIQUES
PATRIOTIC POSTCARDS

сверхдержавы, какой стала молодая Германская империя.

Однако «железного канцлера» беспокоило быстрое возрождение поверженного врага. Действительно, Франция смогла досрочно выплатить тяжелую контрибуцию, наложенную на нее победителем, а военный закон 1872 года должен был позволить ей восстановить свои силы. Кроме того, О. фон Бисмарк правильно оценивал непрочность европейской системы, созданной им против вчерашнего врага, поскольку два его союзника – Россия и Австро-Венгрия, соперничали между собой на Балканах. После кризиса 1877–1878 годов, завершившегося Берлинским конгрессом, который помешал России в полной мере воспользоваться плодами победы, одержанной ею над турками, О. фон Бисмарку все-таки удалось продлить существование Союза трех императоров до 1881 года, а через год

de l'ennemi vaincu. La France a pu payer en effet plus vite que prévu la lourde indemnité imposée par le vainqueur et la loi militaire de 1872 doit lui permettre de reconstituer ses forces. De plus, Bismarck évalue exactement la fragilité du système européen qu'il a mis en place contre son adversaire de la veille car ses deux alliés russe et austro-hongrois sont en compétition dans les Balkans. Après la crise de 1877–1878, conclue par le Congrès de Berlin qui empêche la Russie d'exploiter la victoire qu'elle vient d'obtenir contre les Turcs, Bismarck parvient tant bien que mal à reconstruire en 1879–1881 l'alliance des trois empereurs, un an avant que se constitue la Triple Alliance formée par l'Allemagne, l'Autriche-Hongrie et l'Italie et que soit ainsi scellé l'isolement complet d'une France qui ne peut guère compter sur une Angleterre réticente à s'engager sur le continent où elle cherche exclusivement à préserver un équilibre des forces garant de la défense de ses intérêts. Le système bismarckien demeure cependant toujours fragile. En 1883, Berlin et Bucarest ont conclu une alliance évidemment tournée contre la Russie et, en juin 1887, un traité de réassurance secret conclu

European superpower, the nascent German Empire. At the same time, Bismarck, the “Iron Chancellor” was increasingly worried about the rapid recovery of the defeated enemy. Indeed, France was able to complete the payment of the large war retribution imposed by the winner ahead of schedule, while the law of 1872 was set to allow France to regain its strength. Moreover, Bismarck correctly assessed the fragility of the European system he created against yesterday's enemy, because his two allies, Russia and Austro-Hungarian Empire were engaged in a fierce competition in the Balkans. After the crisis of 1877–1878, which culminated at the Congress of Berlin that prevented Russia from taking full advantage of the results of its victory in the Russian-Turkish war, Bismarck still manages to prolong the existence of the Union of the Three Emperors until 1881, and a year after its expiration, in 1883 he forges the Triple Alliance of Germany, Austria-Hungary and Italy, which aims to complete the isolation of France, while the latter cannot rely on England's aid, as the British are unlikely to get involved in any continental conflict and their interest is solely in maintenance of the bal-

после окончания его действия, в 1883 году, был сформирован Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии, что завершило изоляцию Франции, которая не могла рассчитывать на Англию, сдержанно относящуюся к возможности своего вовлечения в конфликт на континенте, где она была озабочена исключительно поддержанием равновесия сил – гаранта соблюдения ее интересов. Но бисмарковская система продолжала оставаться хрупкой. В 1883 году Берлин и Бухарест заключили союз, явно направленный против России, а в июне 1887 года – с самой Россией был подписан секретный Договор перестраховки о нейтралитете обеих стран в случае вовлеченности одной из них в войну, который, казалось, был призван исключить всякую возможность германо-русского конфликта даже при создании риска поставить под вопрос австро-германский союз.

В таком европейском контексте в 1886–1889 годах начались первые, еще очень робкие попытки франко-русского сближения. Франция, перешедшая после отставки П. де Мак-Магона в руки республиканцев, оставалась изолированной в Европе, тогда как внутри нее усиливались реваншистские настроения. Приход на пост военного министра генерала Ж. Буланже, который, как опасался Берлин, мог стать новым Бонапартом, открыл период напряженности. Герберт Бисмарк заявил французскому послу в Берлине: «Он сейчас – неизвестный». Ситуацию осложняло дело Шнебеле – арест возле Паньи-сюр-Мозель французского комиссара, обвиненного немцами в шпионаже. В конце концов, его освободили, но выдворили из страны, как и полковника Венсана, резидента французской разведки. Через несколько дней был сформирован кабинет М. Рувье, что заставило Ж. Буланже покинуть кресло военного министра, но Франция по-прежнему оставалась в изоляции.

Еще в январе Лабулэ, посол в Санкт-Петербурге, спросил российского министра иностранных дел Н. К. Гирса, какой будет реакция его страны в случае иностранного вторжения во Францию. Тот ответил, что «Россия скажет свое слово», что побудило Флуранса, в то время занимавшего пост министра иностранных дел, написать своему послу: «В настоя-

avec la même Russie et impliquant la neutralité des deux pays en cas de guerre est censé interdire tout affrontement germano-russe, au risque de mettre en cause l'alliance austro-allemande...

C'est dans ce contexte européen que vont intervenir, de 1886 à 1889, les premières initiatives, encore bien timides, de rapprochement franco-russe. La France, passée aux mains des républicains après la démission de Mac-Mahon, demeure isolée en Europe alors que la poussée revancharde s'y affirme. La présence au ministère de la Guerre du général Boulanger, dont on craint à Berlin qu'il ne s'affirme comme un nouveau Bonaparte, ouvre une période de tension. Herbert Bismarck peut ainsi déclarer à l'ambassadeur français à Berlin : « *C'est maintenant l'inconnu* ». Les choses s'aggravent avec l'affaire Schnaebelé, l'arrestation près de Pagny sur Moselle d'un commissaire français accusé d'espionnage par les Allemands. Il est finalement libéré mais déplacé, tout comme le colonel Vincent, responsable du service d'espionnage. Quelques jours plus tard, la chute du ministère Goblet voit Boulanger abandonner le ministère de la Guerre. Le cabinet Rouvier s'installe mais la France demeure toujours aussi isolée. Au mois de janvier précédent, Laboulaye, l'ambassadeur à Saint-Petersbourg, a demandé à Giers, le ministre russe des affaires étrangères, ce que serait l'attitude de son pays en cas d'invasion de la France. Il lui répond que « *la Russie aurait son mot à dire* », ce qui conduit Flourens, alors ministre des affaires étrangères, à écrire à son ambassadeur « *C'est vous qui avez en ce moment le sort de la France entre vos mains* ». C'est aller bien vite en besogne, même si le gouvernement russe s'informe de leurs intentions auprès de Guillaume Ier et de Bismarck. Flourens remercie Giers mais le gouvernement dissuade Laboulaye d'aller plus loin car « *si l'Allemagne a des soupçons, elle fondera sur nous...* ». Les tensions persistent en effet entre Paris et Berlin où le gouvernement impérial s'interroge quant à sa participation à l'Exposition universelle prévue dans la capitale française en 1889 (l'Allemagne sera finalement présente). L'échec final et assez lamentable du boulangisme a toutefois de quoi la rassurer, d'autant qu'entretemps la rupture franco-italienne n'a fait que se confirmer. La question romaine avait fait que la France impériale avait per-

ance of power as a guarantee of their interests. But Bismarck's system remained fragile: in 1883, Berlin and Bucharest entered in an alliance, obviously directed against Russia and in June 1887 the Germans and the Russians signed a secret Reinsurance Treaty confirming neutrality of both countries in the case of involvement of one of them in a war, this agreement seemed intended to exclude any possibility of a German-Russian conflict, even when the Austro-German alliance was at risk.

In this European context, 1886–1889 mark the first, still very limited attempts aimed at a Franco-Russian rapprochement. France, which, after the resignation of Mac-Mahon, was ruled by the republican political forces, remained isolated in Europe and saw the rise of the internal revanchist forces. The rise of the Minister of War General Boulanger, who, as Berlin feared, could become a new Napoleon, ushered a new period of tension. The German Foreign minister, Herbert von Bismarck remarked to the French ambassador in Berlin: «He [Boulanger] is now the unknown». Situation was soon additionally complicated by the Schnaebelé Affair, in which a French Commissioner was arrested near Pagny-sur-Moselle and accused of espionage by the Germans. Eventually he was released, but expelled from the country together with Colonel Vincent, a resident of French intelligence services. A few days later, the fall of the first Rouvier Cabinet forced Boulanger out of the office of the Minister of War. Later, Rouvier reformed Cabinet, but France remained in isolation. Back in January, the French Ambassador in St. Petersburg Antoine de Laboulaye, inquired of Russian Foreign Minister Nicholas de Giers what the reaction of Russia would be in the event of a foreign invasion of France. The answer was the uncommitted «Russia will have its say», which motivated the French Minister of Foreign Affairs Émile Flourens to write to his ambassador: «at the moment it is you who is holding in your hands the future of France». This statement may have been premature, even though the Russian government inquired with Wilhelm I and Bismarck about their intentions. Flourens thanks Giers, but the government does not allow Laboulaye go any further, because «if Germany will become suspicious, it will fall upon us». Indeed, the tension between Paris

НИКОЛАЙ КАРЛОВИЧ ГИРС

Министр иностранных дел России во время правления Александра III. Он являлся одним из создателей Франко-русского союза, который позже был преобразован в Антанту

NIKOLAS KARLOVITCH GIERS

Ministre des Affaires étrangères de la Russie sous le règne d'Alexandre III. Il fut l'un des fondateurs de l'alliance franco-russe, qui a ensuite été transformée en l'Entente

NIKOLAY KARLOVICH GIERS

Russian Foreign Minister during the reign of Alexander III. He was one of the architects of the Franco-Russian alliance, which was later transformed into the Triple Entente

щий момент именно вы держите в своих руках судьбу Франции». Такое заявление было чересчур поспешно, даже при том, что русское правительство запрашивало Вильгельма I и О. фон Бисмарка об их намерениях. Флуранс поблагодарил Гирса, но правительство не разрешило Лабулэ

du tout l'avantage qu'elle aurait pu tirer de son intervention décisive dans la lutte pour l'unité de la péninsule et la mainmise française sur la Tunisie avait poussé les Italiens, malgré leur austrophobie, à s'engager en 1882 dans la Triple Alliance, renouvelée en 1887. Des accords militaires germano-italiens sont conclus et un traité secret signé entre Londres et Rome prévoit le maintien du statu quo en Méditerranée, un moyen indirect pour attirer l'Angleterre vers la Triple Alliance. La francophobie de Francesco Crispi, qui est alors l'homme fort de la politique italienne, son parfait accord avec Bismarck et le développement d'un protectionnisme français défavorable aux intérêts transalpins contribuent à éloigner toujours davantage Rome de Paris, même si l'Italie, qui accumule une lourde dette publique, dépend dans une large mesure pour ses emprunts de la place de Paris. En délicatesse avec sa voisine méridionale, la France se trouve également confrontée sur divers points à l'Angleterre. En Egypte, à Madagascar, en Indochine, au Siam ou en Afrique occidentale les deux pays ont des intérêts divergents et le ministre des affaires étrangères, Courcel, peut parler de *"notre antagonisme naturel avec l'Angleterre"* en dénonçant *"les prétentions exclusives de cette puissance envahissante, disposée à revendiquer comme son héritage propre le domaine maritime du monde entier"*. Inquiète de l'isolement de la France, la classe politique parlementaire voit pourtant dans l'Angleterre une *"alliée naturelle"* et veut conjurer à tout prix une éventuelle alliance anglo-allemande.

Un rapprochement franco-russe pouvait, dans ces conditions, apparaître comme le moyen de sortir la France de son isolement mais, durant les années 1880, l'hostilité de la classe politique vis à vis de la Russie demeure. Après l'assassinat du tsar Alexandre II, son successeur Alexandre III a mis en œuvre une politique toujours plus autoritaire qui ne peut satisfaire les républicains français mais certains n'en pensent pas moins que la Russie, dont les réserves de puissance apparaissent considérables, pourrait constituer un contrepoids éventuel à l'hégémonie allemand. En avril 1889, la proposition d'une convention franco-russe d'extradition visant à lutter contre le terrorisme constitue une première étape mais il reste du chemin à accomplir car le tsar est a priori hostile, au point de demander à son ambassadeur de

and Berlin remained high and Berlin even expressed doubt whether Germany will participate in the World Exposition, scheduled to be held in the French capital in 1889 (in the end, Germany did take part in it). Final and abysmal collapse of "Boulangisme" reassured the Germans, especially as at the same time the Franco-Italian gap had deepened. The question of Rome led to the fact that the French lost all the benefits that could have derived from their decisive intervention in the struggle for the unification of the Italian peninsula, and after France took control of Tunisia the Italians felt compelled to join the Triple Alliance in 1882, despite their hostility to Austria, as well as to renew their commitment in 1887. The German-Italian military agreements were adopted and a secret agreement between London and Rome was signed that aimed at maintenance of the status quo in the Mediterranean, which was an indirect means to draw England to the side of the Triple Alliance. An open Francophobe, Francesco Crispi was very influential in Italian politics of the time, sharing full understanding with Bismarck. At the same time, the development of French protectionism that was unfavorable for Italian interests served to further alienate Rome and Paris, despite the fact that Italy, whose government debt was growing rapidly, was strongly dependent on monetary loans from Paris. In addition to very complicated relationship with its neighbor, Italy, France was also facing multiple points of contention with England. In Egypt, Madagascar, Indochina, Siam, and in West Africa, the interests of these two countries conflicted and the French Foreign Minister had even declared "our natural antagonism with Britain", denouncing the "excessive claims of this aggressive power, ready to claim as its rightful inheritance all the seas around the world". Alarmed by the continued isolation of France, the parliamentary political class, however, continued to see a "natural ally" in England and wants to thwart at any price a possible Anglo-German alliance.

Under these conditions, the Franco-Russian rapprochement might have seem as the means of breaking the French isolation, but throughout the 1880s, the French political class remained hostile to Russia. After the assassination of Tsar Alexander II, his successor, Alexander III, reverted to au-

идти дальше, так как «если у Германии появятся подозрения, она обрушится на нас».

Действительно, напряженность в отношениях между Парижем и Берлином сохранялась, и в Берлине даже сомневались, стоит ли участвовать во Всемирной выставке, проведение которой намечалось во французской столице в 1889 году (в конце концов, Германия все-таки приняла в ней участие). Финальный, довольно плачевный крах буланжизма несколько успокоил ее, тем более что франко-итальянский разрыв еще более углубился. Римский вопрос привел к тому, что Французская империя потеряла все преимущества, которые могла бы извлечь из своего решающего вмешательства в борьбу за объединение Апеннинского полуострова, а овладение Францией Тунисом толкнуло итальянцев, несмотря на их неприязнь к Австрии, вступить в 1882 году в Тройственный союз, возобновленный в 1887 году. Были заключены германо-итальянские военные соглашения, а также подписан секретный договор между Лондоном и Римом, предусматривающий сохранение в Средиземноморье статус-кво – косвенное средство привлечь Англию на сторону Тройственного союза. Франкофобия Франческо Криспи, очень влиятельного в то время итальянского политика, его полное взаимопонимание с О. фон Бисмарком и развитие французского протекционизма, неблагоприятного для итальянских интересов, еще больше отдаляли Рим от Парижа, даже несмотря на то что Италия, чей государственный долг быстро рос, сильно зависела от предоставления ей Парижем займов. Вдобавок к весьма сложным отношениям с этой своей соседкой Франция также по многим вопросам сталкивалась с Англией. В Египте, на Мадагаскаре, в Индокитае, Сиаме и в Западной Африке интересы этих двух стран вступали в противоречие, и министр иностранных дел Курсель заявил о «нашем естественном антагонизме с Англией», обличая «чрезмерные претензии этой агрессивной державы, готовой требовать как свое законное наследство моря всего мира». Встревоженный изоляцией Франции, политический парламентский класс тем не менее видел в Англии «естественную союзницу» и хо-

quitter Paris lors de l'Exposition universelle de 1889, pour éviter de cautionner par sa présence l'anniversaire de la Révolution, au moment où une loi française condamne à l'exil les anciennes familles régnantes. L'instabilité gouvernementale qui affecte de manière récurrente le régime républicain interdit également de prendre tout engagement avec de tels interlocuteurs. Une extrême réserve est donc de mise du côté russe. Ambassadeur à Saint-Petersbourg de 1886 à 1891, Laboulaye se lie cependant avec le chef d'état-major de l'Armée russe, le général Obroutchev qui, marié à une Française, passe ses étés en Dordogne. Obroutchev est également lié au général de Boisdeffre, qui a été attaché militaire dans la capitale russe de 1879 à 1881. Des relations qui vont peser de manière décisive dans le processus qui conduira à la conclusion de l'alliance.

Le principal obstacle réside pourtant dans le fait que la Russie ne veut pas faire la guerre à l'Allemagne, l'adversaire principal de la France, alors que son ennemi prioritaire demeure l'Autriche-Hongrie avec laquelle Paris n'a pas de contentieux particulier, ce qui conduit à des réflexions pessimistes le capitaine Moulin, deuxième attaché militaire à Saint-Petersbourg. qui pointe également l'absence inquiétante, en cas de conflit, d'un réseau ferré russe suffisant. Alexandre III signale cependant à Laboulaye que *“ si la France était attaquée, si elle faiblissait, la Russie se mettrait dans la balance. Je ne laisserais pas l'Allemagne bouleverser l'Europe ”*. Des paroles encourageantes qui conduisent Paris à suivre en 1887 la Russie, en ne reconnaissant pas Ferdinand de Saxe-Cobourg monté sur le trône de Bulgarie; dans le même temps, la Russie refuse de ratifier, à la satisfaction de ses interlocuteurs français, la convention anglo-turque sur l'Egypte. Ces derniers entreprennent de plus de surveiller de plus près les révolutionnaires russes émigrés. Les crises gouvernementales, le scandale des décorations, qui a contraint Jules Grévy à renoncer à l'Elysée, ont cependant de quoi inquiéter les Russes, alors que le tsar vient de conclure en 1887 avec l'Allemagne bismarckienne le traité de réassurance. Un point cependant apparaît encourageant, c'est le succès rencontré par les emprunts russes sur la place de Paris à partir de 1888. Rien n'est cependant acquis à ce moment qui voit aussi Anatole Leroy-Beaulieu présenter dans la *Revue des*

thoritarian policies that did not appeal to the French Republicans, yet some of them still believed that Russia, whose reserves of strength seemed significant, could have served as a possible counterweight to the German desire for hegemony. In April 1889 a proposal for a Franco-Russian Convention on Extradition, aimed at combating terrorism became the first step towards an alliance, but it had a long way to go since the Tsar was a priori hostile to the idea of such a union and even required his ambassador to leave Paris during the World Expo in 1889 so that the ambassador was not present during speeches dedicated to the French revolution at the very moment when France adopted a law on

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ФРАНЦИИ
ГЕНЕРАЛ Р.-Ф.-Ш. (ЛЕ МУТОН) БУАДЕФР

CHEF DE L'ÉTAT-MAJOR DE LA FRANCE GÉNÉRAL
R.-F.-CH. (LE MOUTON) BOISDEFFRE

CHIEF OF THE GENERAL STAFF OF FRANCE
GENERAL R.-F.-CH. (LE MOUTON) BOISDEFFRE

тел любой ценой расстроить возможный англо-германский союз.

В этих условиях франко-русское сближение могло показаться средством вывода Франции из ее изоляции, но на протяжении 1880-х годов сохранялась враждебность политического класса к России. После убийства царя Александра II его преемник Александр III стал проводить авторитарную политику, что не могло устраивать французских республиканцев, но некоторые из них все же полагали, что Россия, чьи запасы прочности казались значительными, способна стать возможным противовесом германскому стремлению к гегемонии. В апреле 1889 года предложение о заключении франко-русской конвенции об экстрадиции, направленной на борьбу с терроризмом, стало первым шагом к заключению союза, но для этого предстояло пройти долгий путь, поскольку царь настолько враждебно относился к идее такого союза, что даже требовал от своего посла покинуть Париж во время проведения Всемирной выставки 1889 года, чтобы он не присутствовал при произнесении речей, посвященных революции, в тот самый момент, когда во Франции принят закон о высылке из страны членов царствовавших в ней в прошлом династий. Лабулэ, посол в Санкт-Петербурге с 1886 по 1891 год, завязал дружеские отношения с начальником Генерального штаба русской армии генералом Н. Н. Обручевым, который, будучи женат на французке, проводил летние отпуска на Дордони. Н. Н. Обручев также был дружен с генералом Р. Буадефром, бывшим военным атташе в российской столице в 1879–1881 годах. Эти связи сыграли решающую роль в процессе, который привел к заключению союза между двумя странами.

Но в первую очередь препятствием на этом пути к этому состояло в том, что Россия не хотела воевать с Германией, главным противником Франции, поскольку ее основным противником являлась Австро-Венгрия, с которой у Франции не было особых разногласий, что привело к мрачным раздумьям капитана Мулена, второго военного атташе в Санкт-Петербурге, обращающего внимание и на такой тревожный факт, как отсут-

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РОССИИ,
ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ Н. Н. ОБРУЧЕВ

CHEF DE L'ÉTAT-MAJOR GÉNÉRAL DE RUSSIE,
ADJUDANT-GÉNÉRAL N. N. OBROUTCHEV
CHIEF OF THE GENERAL STAFF OF RUSSIA,
ADJUTANT-GENERAL N. N. OBRUCHEV

Deux Mondes cinq objections à un éventuel projet d'alliance avec la Russie. Il explique que son adversaire principal est l'Autriche-Hongrie et pas l'Allemagne, que le tsar a sur Constantinople des revendications inacceptables pour l'Angleterre (la France soutient également le *statu quo* sur ce point). Il met aussi en avant les rivalités entre catholiques et orthodoxes en Orient, fait valoir qu'une alliance avec la Russie signifierait une rupture avec l'Angleterre et pointe enfin les limites de la puissance militaire russe. Il reste donc beaucoup de chemin à parcourir mais la stabilité retrouvée que semble manifester le gouvernement Freycinet (mars 1890 – février 1892) et le fait que le Quai d'Orsay ne soit occupé que par deux ministres – Ribot et Hanotaux – entre 1890 et 1897, ce qui témoigne de l'existence d'un large consensus en matière de politique étrangère, va créer des conditions nouvelles au moment où survient en Allemagne la chute de Bismarck.

Le vieux chancelier (70 ans) est en effet entré en conflit avec le jeune empereur Guillaume II (27 ans). Ce dernier, conseillé par les diplomates de la Wilhelmstrasse et par

the deportation of members of past reigning dynasties. The French Ambassador in St. Petersburg from 1886 to 1891 de Laboulaye, develops up a friendly relationship with the Chief of the General Staff of the Russian Army, General Obruchev, who, being married to a French woman, spends his summer vacations on the Dordogne. Obruchev was also friendly with General Boisdeffre, who served as military attaché in Moscow in 1879–1881. These personal connections will play a decisive role in the process that will lead to the forging of an alliance between the two countries.

But the main obstacle to an alliance is that Russia does not want war with Germany, the main opponent of France, as Russia's main enemy is Austria-Hungary, with which France has no particular tensions, which leads to the dark brooding by Captain Moulin, the second military attaché in St. Petersburg, who draws attention to a disturbing fact that Russia lacks a developed network of railways needed in case of a military conflict. Nevertheless, Alexander III assures Laboulaye that "if France is attacked, if it will be weakened, Russia will throw its power on the scales. I will not allow Germany to shake Europe". These words of encouragement prompted France to support Russia in 1887 when Russians refused to recognize Ferdinand of Saxe-Coburg, who ascended to the Bulgarian throne; at the same time, Russia has refused to ratify the Anglo-Turkish Convention on Egypt, to the delight of his French interlocutors. These French pro-Russian forces began to monitor the Russian revolutionaries who immigrated to France more closely. Government crises and the Decorations scandal that made Jules Grevy resign as president alarmed the Russians, and the Tsar, in 1887, decides to renew the Reinsurance treaty with the Bismarckian Germany. There are some encouraging signs of a possible alliance as since 1888 Russian government bonds enjoy great commercial success in France. Yet, at that moment, nothing had been decided. Anatole Leroy-Beaulieu published in the conservative "Revue des Deux Mondes" five objections to the possible alliance with Russia. He explained that Russia's main opponent is Austria-Hungary, not Germany; that the Tsar's claims to Constantinople are unacceptable to England (France also supports the status quo in this matter). He also

Прибытие Николая II
 в Зимний дворец для объявления войны
 ARRIVÉE DE NICOLAS II
 AU PALAIS D'HIVER AFIN DE DÉCLARER LA GUERRE
 ARRIVAL OF NICHOLAS II
 AT THE WINTER PALACE TO DECLARE WAR

В день объявления войны у Зимнего дворца
 в Петербурге. 20 июля 1914 года

LE JOUR DE LA DÉCLARATION DE GUERRE PRÈS DU PALAIS
 D'HIVER À SAINT-PÉTERSBOURG, LE 20 JUILLET, 1914

ON THE DAY OF THE DECLARATION OF WAR NEAR THE WINTER
 PALACE IN ST. PETERSBURG, JULY 20, 1914

Война России с немцами.
День объявления войны

LA GUERRE DE LA RUSSIE AVEC LES ALLEMANDS.
LE JOUR DE LA DÉCLARATION DE GUERRE

THE WAR OF RUSSIA WITH THE GERMANS.
THE DAY OF THE DECLARATION OF WAR

Париж в ночь на 20 июля 1914 года. Манифестация по поводу
объявления Германией войны России

PARIS DANS LA NUIT DU 20 JUILLET 1914. MANIFESTATION
À LA DÉCLARATION DE GUERRE À LA RUSSIE PAR L'ALLEMAGNE

PARIS ON THE NIGHT OF JULY 20, 1914. MANIFESTATION AT THE
ANNOUNCEMENT OF WAR TO RUSSIA BY GERMANY

НА СБОРНЫЙ ПУНКТ. У ЗИМНЕГО ДВОРЦА
В ПЕТРОГРАДЕ. 1914

AU POINT DE RASSEMBLEMENT. PRÈS DU PALAIS
D'HIVER À PETROGRAD. 1914

TO THE ASSEMBLY POINT. NEAR THE WINTER PALACE
IN PETROGRAD. 1914

ВСЕОБЩАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ПАРИЖЕ. 1914

MOBILISATION GÉNÉRALE À PARIS. 1914

GENERAL MOBILIZATION IN PARIS. 1914

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II
L'EMPEREUR NICOLAS II
THE EMPEROR NICHOLAS II

Реймон Пуанкаре, президент Французской Республики
RAYMOND POINCARÉ, PRÉSIDENT DE LA RÉPUBLIQUE FRANÇAISE
RAYMOND POINCARE, PRESIDENT OF THE FRENCH REPUBLIC

Его величество Георг V, король Великобритании

SA MAJESTÉ GEORGE V, ROI DE GRANDE-BRETAGNE

HIS MAJESTY GEORGE V, KING OF GREAT BRITAIN

Генералиссимус французской армии,
маршал Ж. Жоффе

Généralissime de l'armée Française,
Maréchal de France J. Joffre

Generalissimo of the French Army,
Marshal of France J. Joffre

Генералиссимус союзных войск,
маршал Франции Ф. Фош

Généralissime des Forces Alliées,
Maréchal de France F. Foch

Generalissimo of the Allied Armies,
Marshal of France F. Foch

Командующий английской армией Д. Френч

LE COMMANDANT DE L'ARMÉE BRITANNIQUE
D. FRENCH

THE COMMANDER OF THE BRITISH ARMY D. FRENCH

Фельдмаршал Англии лорд Г. Китченер

FELD-MARÉCHAL DE L'ANGLETERRE
LORD H. KITCHENER

FIELD MARSHAL OF ENGLAND LORD H. KITCHENER

«ПИСЬМО ВАШЕ Я ПОЛУЧИЛ И СЕРДЕЧНО ВАС БЛАГОДАРИЮ...»

ВОЕННЫЙ БЫТ РУССКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА

ВО ФРАНЦИИ И НА БАЛКАНАХ

“J’AI REÇU VOTRE LETTRE ET JE VOUS EN REMERCIE
CORDIALEMENT...”

LA VIE QUOTIDIENNE DU CORPS EXPÉDITIONNAIRE RUSSE

EN FRANCE ET DANS LES BALKANS

“I HAVE RECEIVED YOUR LETTER, AND I THANK YOU HEARTILY...”

EVERYDAY LIFE OF THE RUSSIAN EXPEDITIONARY CORPS

IN FRANCE AND THE BALKANS

Во время Первой мировой войны по просьбе Франции Россия отправила в марте – октябре 1916 года на Западно-европейский и Балканский театры военных действий четыре Особые пехотные бригады, одну Особую артиллерийскую бригаду и один Особый инженерный батальон общей численностью свыше 40 тыс. человек (после Первой мировой они стали известны под названием Русского экспедиционного корпуса).

Отличившись в боях во Франции и на Балканах, бригады попали в водоворот грозных событий, произошедших в России после февраля 1917 года, и перестали существовать как боевая единица. После отказа Временного правительства в возвращении своих солдат на родину они остались в ведении французского правительства, которое из них в результате триажа (опроса) сформировало три условных отряда: первый – из тех, кто хотел сражаться до победы Антанты, второй – из тех, кто желал работать, а не сражаться, и третий – из тех, кто не желал ни сражаться, ни работать. Первые отправились на Западноевропейский фронт, где образовали Русский легион (Легион Чести), сра-

Ду́rant la Première Guerre mondiale, en mai-octobre 1916, la Russie envoya sur le théâtre des hostilités d’Europe occidentale et des Balkans quatre brigades spéciales d’infanterie, une brigade spéciale d’artillerie et un bataillon spécial du Génie pour un nombre total de 40 milles soldats (après la Première Guerre mondiale, ils furent connus sous le nom de “Corps expéditionnaire russe”).

Après s’être distingués au combat en France et dans les Balkans, ces brigades furent prises dans une suite d’événements terribles qui eurent lieu après le mois de février 1917 en Russie et cessèrent d’exister en tant qu’unité de combat. Après que le Gouvernement Provisoire refusa le retour de ces soldats dans leur patrie, ils restèrent à la charge du gouvernement français qui après avoir effectué un «trialogue» (interrogatoire), forma trois détachements conventionnels: le premier était composé par ceux qui souhaitaient combattre pour l’Entente, le deuxième de ceux qui préféraient retourner travailler plutôt que combattre et le troisième de ceux qui ne voulaient ni travailler, ni se battre. Le premier détachement partit pour le front occidental où fut formée la légion

During the World War I, at the request of France, Russia, in March and October 1916, sent to the Western European and Balkan war theaters a large military force that consisted of four special infantry brigades, one special artillery brigade and a special battalion of engineers, over 40 thousand soldiers and officers in total. After the war, these troops became known under the name of “Russian Expeditionary Corps”.

The Core has distinguished themselves in battles in France and in the Balkans, yet in less than a year the brigades were caught in the turmoil of terrible events that took place in Russia after the February 1917 revolution and the Russian Corps ceased to exist as a combat unit. After the Provisional Government of Russia has refused to provide Russian soldiers with an opportunity to return home, they were put in the hands of the French government, which after a “trialogue” (a series of interviews) divided the Russian Corps into three groups. The first consisted of soldiers who wanted to continue to fight to the victory of the Entente, the second – from those who expressed the wish to work and not to fight, and the third – from those who desired neither to

жавшийся до победы Антанты в ноябре 1918 года. Вторых французы направили на тыловые работы, а третьих в качестве каторжан вывезли либо в Северную Африку, либо на острова в Эгейском море. В соответствии с заключенными соглашениями между Францией и Советской Россией в 1918–1920 годах на родину была отправлена значительная часть русских войск, воевавших во Франции и Македонии.

Проблемы, касающиеся участия Особых бригад в боях Второй Отечественной (как с августа 1914 года стали называть Первую мировую в России), на сегодняшний день, хотя и не так детально, как хотелось бы, изучаются в современной научной литературе. Совершенно не изученным остается вопрос о быте русских чинов Особых бригад во Франции и на Балканах, о питании, досуге, организации санитарного дела, отношении с французами и представителями других наций, в частности во время ведения боевых действий в 1916–1918 годах, хотя именно от организации быта военнослужащих на войне зависел и будет зависеть моральный дух войск и их боеспособность.

КОМИССИЯ ПО ОБУСТРОЙСТВУ РУССКИХ ВОЙСК

Во время русско-французских дискуссий о проблемах, связанных с предстоящим пребыванием русских войск на французском фронте, обсуждались и вопросы тылового обеспечения. В январе 1916 года в Париже была сформирована специальная Комиссия по обустройству русских войск, то есть решению вопросов содержания, вооружения, снаряжения, довольствия и обучения. По личной просьбе главнокомандующего французскими войсками генерала Ж.-Ж.-С. Жоффра в состав Комиссии вошел военный агент (атташе) во Франции полковник А. А. Игнатьев. 21 февраля 1916 года Комиссия подписала окончательный протокол, который императорское правительство утвердило только 26 августа, и то вследствие прямого запроса командира 1-й особой бригады генерала Н. А. Лохвицкого. А. А. Игнатьев же получил известие об утверждении только 20 октября, то есть через восемь месяцев со дня принятых им по собственной инициативе обязательств.

Russe (Légion d'Honneur) et combattirent jusqu'à la victoire de l'Entente en novembre 1918. Les Français envoyèrent les deuxièmes travailler à l'arrière et condamnèrent les troisièmes aux travaux forcés soit en Afrique du Nord, soit dans les îles de la mer Egée. Conformément aux accords conclus entre la France et la Russie Soviétique en 1918–1920, une part importante des troupes russes combattant en France et en Macédoine fut renvoyée dans leur patrie.

De nos jours, les problèmes touchant à la participation de ces brigades spéciales durant la Seconde guerre Nationale (dénomination de la Première Guerre mondiale en Russie à partir d'août 1914) sont étudiés dans la littérature scientifique actuelle mais connaît des lacunes dans les détails. Une question n'a pas encore été traitée, celle du mode de vie des officiers des brigades spéciales en France et dans les Balkans par rapport à leur alimentation, leurs loisirs, leur hygiène, leurs relations avec les Français et les représentants d'autres nations, et cela tout particulièrement durant les hostilités entre 1916 et 1918, c'est de cette organisation de la vie en temps de guerre dont va dépendre le moral et la combativité des troupes.

COMMISSION SUR L'AMÉNAGEMENT DES TROUPES RUSSES

Durant les discussions franco-russes sur les problèmes soulevés par le prochain séjour des troupes russes sur le front français, fut étudiée la question du ravitaillement par l'arrière. En janvier 1916, à Paris, fut créée une commission spéciale pour l'installation des troupes russes pour traiter des questions, relatives à l'entretien, à l'armement, à l'équipement, aux articles de ravitaillement, à l'habillement et à l'éducation. A la demande personnelle du commandant suprême des troupes françaises, général JJC Joffre, le colonel A. A. Ignatiev entra dans la Commission, en tant qu'agent militaire (attaché). Le 21 février 1916, la Commission signa le protocole d'accord définitif qui ne fut signé par le gouvernement tsariste que le 26 août et ce à la demande expresse du commandant de la première brigade spéciale, le général Lokhvitski; Ignatiev reçut enfin la nouvelle de l'approbation le 20 octobre 1916 soit 8 mois après les engagements pris à son dos selon sa propre initiative.

fight nor to work. The first group was sent to the Western front, where they formed the Russian Legion (also known as Legion Chesti/Legion of Honor) and fought until the German surrender in November 1918. The second group was sent to work in munition and other logistics plants and factories in France and the third were treated similarly to convicts and taken to camps in either North Africa or the islands of the Aegean Sea. In accordance with later agreements signed between France and Soviet Russia in 1918–20s a significant portion of Russian troops who fought in France and Macedonia were sent home.

The historical evidence relating to participation of the Russian Corps in the battles of World War I (in Russia at the time this conflict was commonly termed the “Second Patriotic” war) is being researched by contemporary historians if not with as much concentration as it deserves. To date several issues appear to have been left completely unexplored, such as, for example, the issues of everyday life of Russian soldiers in France and the Balkans, their food supplies, organization of leisure and medical care for the wounded, relations with the French and representatives of other nations, in particular, during the military actions in 1916–1918. This is surprising, as it is well known that organization of everyday life of the troops determines the overall morale of troops and their combat effectiveness.

COMMISSION ON ACCOMMODATION OF RUSSIAN TROOPS

During the Russian-French discussions on issues related to the forthcoming deployment of Russian troops on the French front, the parties discussed inter alii the issue of logistics. In January 1916 in Paris, a special commission on accommodation of Russian troops was formed with the agenda including the issues of supplies, weapons, equipment, and training. At the personal request of General

>

ПРОХОЖДЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК В МАРСЕЛЕ. ФРАНЦИЯ. 1916

DÉFILEMENT DES ARMES RUSSES À MARSEILLE. FRANCE. 1916

MARCHE OF THE RUSSIAN TROOPS THROUGH MARSEILLES. FRANCE. 1916

А. А. ИГНАТЬЕВ

A. A. IGNATIEV

A. A. IGNATIEFF

На заседаниях комиссии обсуждались пять главнейших вопросов: организационный состав частей; снабжение материальной частью и лошадьми; урегулирование денежных соглашений союзных правительств; размещение войск до выступления на фронт в специальном лагере (в Майи); пищевое довольствие.

По всем вопросам был вынесен ряд постановлений. В частности, бригады должны были привезти с собой только походные кухни и часть обозных повозок, все остальное обязывался предоставить Париж, в том числе он отвечал и за доставку, и за последнее содержание винтовок, пулеметов, патронов, шанцевого инструмента, касок, недостававших повозок, санитарного материала, оборудования для бойни, учебных материалов. Французы обеспечивали конский состав и материальную часть, обязывались содержать их за свой счет, в то время как предоставленные Петроградом материалы – за его счет. Содержание раненых и больных во французских госпиталях относилось на счет принимающей стороны. Для обустройства русской базы А. А. Игнатев выбрал военный лагерь Майи, где до прибытия 1-й бригады на средства, собранные по подписке среди чинов Управления военного агента, была возведена походная церковь, а помещение для душа переоборудовано под баню.

Durant les réunions de la Commission furent soulevées cinq questions de la plus grande importance: l'organisation des troupes en unités, le ravitaillement en matériel et en chevaux, l'accord financier entre les gouvernements coalisés, le placement des troupes dans un camp spécial (à Mailly) avant le départ au front et sur les rations alimentaires.

Sur chaque questions furent prises des décisions. En particulier, les brigades n'avaient à apporter avec elles que des cuisines mobiles et quelques voitures de convoi, le reste était à la charge de Paris qui devait donc livrer et entretenir les fusils, les mitrailleuses, fournir les munitions, des outils de déblaiement (pour creuser des tranchées), des casques, les moyens de transport manquants, des produits sanitaires, des équipements pour l'abattage d'animaux et des instruments de mesure. Les Français accordaient des chevaux et un lot de matériel qu'ils s'engageaient à entretenir à leurs frais alors que ceux fournis par Pétrograd était aux frais des Russes. La prise en charge des blessés et des malades dans les hôpitaux français revenait au pays d'accueil. Pour l'aménagement de la base russe, Ignatiev choisit le camp militaire de Mailly où, avant l'arrivée de la première brigade, avait été érigée une église de fortune avec l'argent récolté par lui-même au sein de l'administration militaire et on rééquipa les douches de bains pour en faire les bains russes.

Bien entendu, l'accord ne prévoyait pas les problèmes qui surgirent par la suite. Dès la fin de 1916, les commandants des brigades spéciales s'adressaient déjà à Ignatiev pour plaider la suppression de la majoration de 20 % (sur les prix) de la part de Paris pour l'alimentation et les matériaux français qui leur étaient fournis. Grâce au dynamisme d'Ignatiev, la majoration fut levée par le gouvernement français. Cependant, à partir de mars-avril 1917, probablement en lien avec les bouleversements en Russie, les français réinstallèrent cette majoration. Après de multiples interventions d'Ignatiev, tout revint à la normale.

“LES MARRAINES”

La “Société des amis des soldats russes” qui fut créée à la veille de l'arrivée des troupes russes a joué un rôle important dans le mouvement volontaire de femmes françaises

Commander of the French troops, Marshal J.-J.-C. Joffre the Commission included the Russian military attaché, Colonel A. A. Ignatieff. On February 21, 1916, the Commission signed the final protocol, which the Russian Imperial government only approved on August 26, 1916, after the direct intervention of the Commander of the 1st Special Brigade General Lokhvitsky; while Ignatieff was made aware of the Russian government's assent only on 20 October 1916, i.e., 8 months after he, on his own initiative accepted the French plans and assumed specific obligations.

Five issues dominated the Commission's work: organizational structure of Corps; supply of materials and horses; financial issues regarding settlement agreements between the Allied governments; housing of troops in a dedicated military camp in Maya prior to the deployment to the front lines and food rations.

Binding resolutions were passed on all these issues. In particular, the Russian Corps were to bring only field kitchens and only partial logistical convoys, the rest was to be supplied by the French. Paris was also responsible for the delivery and subsequent maintenance of rifles, machine guns, ammunition, entrenching tools, helmets, convoy carts, medical and sanitary supplies, equipment for slaughterhouses, and training materials. The French side provided horses and the kits and pledged to maintain them at their own expense, while the Russian side was responsible for the maintenance of its own property. The cost of treatment of the wounded and sick in French hospitals was assumed by the receiving party. Ignatieff chose the Maya military camp as the future site of the Russian Corps camp, as even before the arrival of the first Brigade with the funds raised by subscription among the ranks of the Office of the Military Agent a camp church was erected and showers were converted to saunas, as more desired by the Russian soldiers.

Not unexpectedly, the detailed agreement did not preclude the possibility of future issues. Already by the end of 1916, Ignatieff received the petition of the commanders of the 1st and 3rd Special Brigades who wanted Paris to stop imposing a 20 percent premium on the price of food and materials supplied to the Russian troops. After Ignatieff's intervention, the French government withdrew the

1

Разумеется, соглашение не исключало возникновения проблем в дальнейшем. Уже в конце 1916 года к А. А. Игнатьеву обратились командиры 1-й и 3-й особых бригад с просьбой снять предъявляемую Парижем 20-процентную надбавку за питание и поставляемые французами материалы. При активном посредстве русского военного атташе французское правительство сняло надбавки. Однако с марта – апреля 1917 года, ввиду, наверное, известных перемен в России, французы принялись вновь брать отмененные 20%. После повторного вмешательства А. А. Игнатьева все вернулось на свои места.

2

prêtes à transmettre leur affection généreuse et désintéressée à des soldats russes, à garder leur esprit de courage de dans le cœur des soldats, mais aussi d'abnégation et essayer de compenser la chaleur des familles qu'ils avaient quittées. C'est pourquoi la Société s'adressa au système français des "marraines de guerre" qui était déjà bien en place, celles-ci étaient des femmes françaises, non mariées ou veuves, qui établissaient une correspondance épistolaire avec un soldat qu'elles parrainaient alors par le biais d'organisations publiques ou de l'Etat et fournissaient aussi une aide financière (autant que possible).

demand for markups. However, in March – April 1917, due, perhaps, to the revolutionary events in Russia, the French began to impose the premiums again and Ignatieff had to appeal for the second time, which resolved the issue.

"GODMOTHERS"

Prior to the arrival of the Russian soldiers a voluntary "Society of Friends of Russian soldiers" was formed in France capitalizing on the voluntary impulse of French women who wanted to extend their generous and selfless welcome to the Russian soldiers, support soldiers' morale and the spirit of sacrifice and try to offset the loss of support and warmth of families they left behind. Therefore, the Society resorted to the already proven effective system of "Soldiers' Godmothers" ("marraines de guerre"), in essence appealing to Frenchwomen (unmarried and widows) through state and public organizations to develop a correspondence with servicemen (including those in enemy's POW camps), and extend to them a certain kind of patronage, including financial assistance (as much as it was possible).

The Russian soldiers really appreciated the selfless care of French women. For example, Karev, a serviceman of the 1st Brigade recalled that how he and his friend would every week receive a parcel from a woman in Nice that contained underwear, socks, cigarettes and chocolate (it is unclear from the archival document whether one "godmother" extended her patronage to the two friends or whether each of them had his own "godmother"). As a rule, these parcels contained postcards that soldiers had to return to the sender indicating the receipt of the parcel. The selfish good will of the "godmothers"

3

1

ПОЛЕВАЯ ФУРАЖКА РУССКОГО ОФИЦЕРА
BONNET DE CAMPAGNE D'UN OFFICIER RUSSE
PATROL CAP OF A RUSSIAN OFFICER

2

ПАРАДНАЯ ФУРАЖКА
ПЕХОТНОГО РУССКОГО ОФИЦЕРА
CASQUETTE DE GRANDE TENUE D'UN OFFICIER
D'INFANTERIE RUSSE
DRESS CAP OF A RUSSIAN INFANTRY OFFICER

3

В ШАМПАНИ. ОКТЯБРЬ 1916
EN CHAMPAGNE. OCTOBRE 1916
IN CHAMPAGNE. OCTOBER 1916

1

2

«КРЕСТНЫЕ МАТЕРИ»

Сформированное накануне прибытия русских войск во Францию «Общество друзей русских солдат» большую роль отводило французским женщинам, которые смогли бы распространить свою великодушную и бескорыстную любовь на русских солдат, поддержать в их сердцах бодрость духа и самопожертвование и попытаться возместить теплоту их семей, которые они оставили. Поэтому Общество обратилось к уже эффективно зарекомендовавшей себя во Франции системе «Солдатских крестных матерей» (Marraines de guerre), когда француженка (из числа незамужних и вдов) через государственные и общественные организации налаживала переписку с каким-нибудь военнотружущим (в том числе и находившимся в плену) и брала над ним своеобразное шефство, включая и оказание финансовой помощи (по мере своих возможностей).

И солдаты действительно чувствовали заботу француженок. Например, солдат 1-й бригады Карев вспоминал, что он с другом (непонятно, была ли «крестная мать» одна на двоих или у каждого из них своя) каждую неделю получали из Ниццы белье, сигареты, носки, шоколад. Как правило, в эти посылки вкладывалась почтовая карточка, которую солдат должен был переслать отправительнице, сообщив о факте получения вещей. Институт «крестных матерей» для солдат 1-й и 3-й бригад получил широкую известность не только на французском, но и на Салоникском фронте. Однако «марены», как называли «крестных матерей» солдаты, существовали только для «французских» бригад.

Et en effet, les soldats ressentaient l'attention que leur portaient les Françaises. Par exemple, le soldat de la première brigade Karev se rappelle que lui et son ami (il est impossible de savoir s'ils avaient chacun une marraine ou une pour deux) recevaient chaque semaine un linge de corps, des cigarettes, des chaussettes et du chocolat.

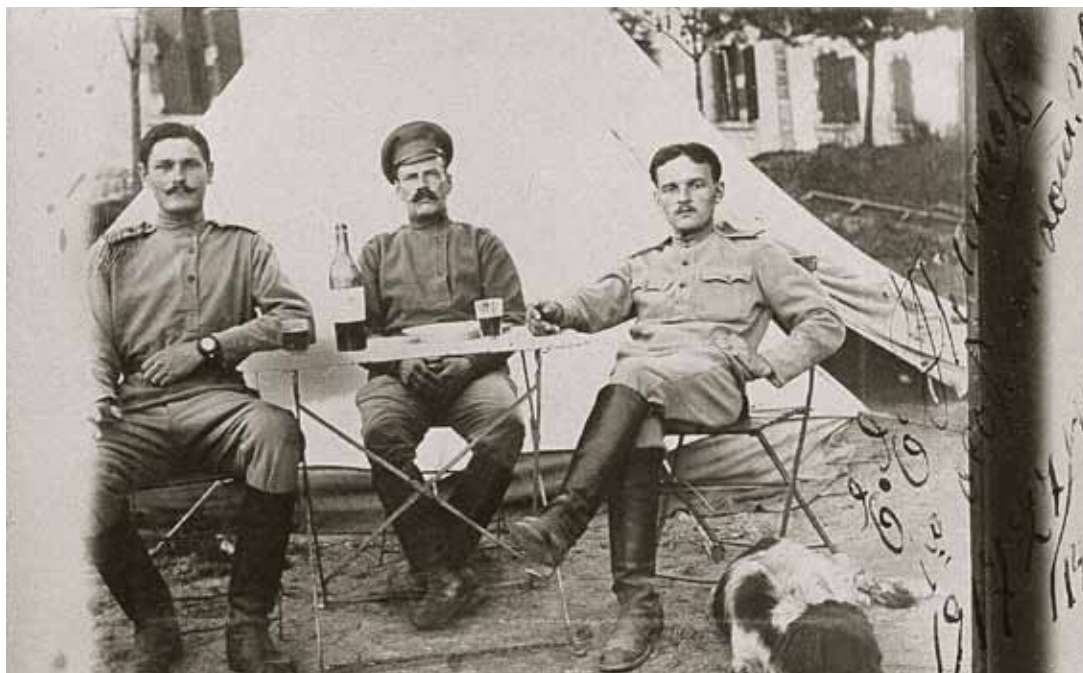
D'habitude, on plaçait dans ces colis des cartes postales que le soldat devait renvoyer à l'expéditrice pour signaler la réception du colis. L'institution des "marraines de guerre" pour les soldats des première et troisième brigades devint célèbre non seulement en France, mais aussi sur le front de Salonique. Pourtant, les "marraines", comme les appelaient les soldats, n'existaient que pour les brigades en France.

Les femmes françaises étonnaient beaucoup les soldats. "Et moi, à Chalons, j'ai discuté avec une femme mais j'avais peur de m'en approcher. Elle n'est pas comme nous. Avec son chapeau sur la tête, elle parle, elle parle ... Et on pourrait pas l'embrasser"¹. Même si les relations entre les Françaises et les soldats russes n'ont pas été pleinement étudiées, on peut dire avec assurance que ces liens étaient très bien établis et survécurent à la suppression de la première brigade spéciale d'infanterie. On sait que de nombreuses lettres de Françaises furent écrites aux soldats dès l'automne 1917, c'est-à-dire après avoir maté les mutineries à La Courtine et, malgré le manque de tolérance des Français envers les Russes à ce moment-là, celles-ci sont imprégnées de bons sentiments : "Je me souviens encore de votre tendre baiser sur ma bouche, comme si mon cœur s'était arrêté là ... Sur le quai numéro 3 ... Vous ne m'écrivez plus, mais je ne peux pas croire que vous m'ayez oubliée ... A la seule pensée que vous puissiez embrasser à cet instant une autre femme,

of the soldiers of the 1st and 3rd Russian Brigades became widely known not only on the French frontlines, but also on the Thessaloniki front. However, "maryons" as the Russians called their "godmothers" provided assistance only to the soldiers of the "French" brigades.

The Russian soldiers were surprised by the manners and demeanor of French women. "I've been in Chalons and talked with one but was afraid to approach. Not our woman. And her hat, and she speaks and speaks so freely... I suppose she is not for hugging"¹. Relations between Russian soldiers and French women are not yet fully documented by historians, but it is safe to say that these relations were very well established and have not disappeared after the disbandment of the 1st Special Infantry Brigade. Archives have preserved numerous letters that French women wrote to Russian soldiers in the autumn of 1917, i.e., after the suppression of the rebellion in La Courtine, and despite the general intolerance of the French towards Russians during that turbulent time, these letters are imbued with the warmest feelings: "I still remember your gentle kiss, and I feel that my heart was left there... on the railway platform number three. (...) You do not write to me, but I do not want to believe that you have forgotten about me. At the thought that you are now embracing another woman, I begin to envy her... Oh, how awful!" From another letter, addressed to "my Mishule" ("à mon petit Michel") : "Please, write to me! I'll be ever so happy"².

Some of the soldiers entered into legal marriages with the French women, which prompted the command of the 1st Special Brigade to issue a separate order in November 1916. Thus, we know that in October

3

Порой француженки очень удивляли солдат. «Я вот в Шалоне с одной сговорился, а подступить боюсь. Не наша баба. И шляпка на ней, и все говорит, говорит... Небось ее не облапишь»¹. Отношения между француженками и русскими солдатами еще не до конца изучены, но можно с уверенностью сказать, что эти связи были очень хорошо налажены и не исчезли после распада 1-й особой пехотной дивизии.

Известны многочисленные письма францушек, писавших солдатам уже осенью 1917 года, то есть после подавления мятежа в Ля-Куртин и, несмотря на общую нетерпимость французов к русским в данный период, проникнутые самыми теплыми чувствами: «Я до сих пор помню Ваш нежный поцелуй на моих губах и чувствую, что мое сердце осталось там... на железнодорожном перроне номер три... Вы мне не пишете, но я не хочу верить, что Вы позабыли обо мне. При одной только мысли, что Вы сейчас обнимаете другую женщину, я начинаю завидовать ей... Ах, как это ужасно!». Из письма одной француженки «моему Мишуле» («à mon petit Michel»): «Пожалуйста, напиши мне! Я буду безумно рада»².

Некоторая часть солдат вступала в законный брак с француженками, для чего командование 1-й особой бригады издало в ноябре 1916 года специальный приказ. Так, в октябре 1917 года младший унтер-офицер пулеметчик Иван Ермин вступил в брак с девицей Адель Павловской, католического вероисповедания; рядовой

je commence à la jalouser ... Ah, mais quel enfer ! ». Extrait d'une lettre d'une française à « mon petit Michel » : « S'il te plaît, écris-moi ! J'en serai incroyablement heureuse »².

Certains des soldats se marièrent légalement avec des françaises et pour cela, le commandement de la première brigade spéciale firent paraître un ordre spécial en novembre 1916. Et ainsi, en octobre 1917, le sous-officier mitrailleur Ivan Ermine se marie avec la jeune Adèle Pavlovskaïa, de religion catholique ; le simple mitrailleur Ivan Kovaltchouk épouse la citoyenne française Madeleine Rodot, elle aussi de religion catholique. Aujourd'hui encore, des descendants des soldats russes et des françaises vivent en France et se souviennent de leurs origines russes, mais pratiquement aucun d'entre-eux ne connaît la langue russe.

LA CORRESPONDANCE

Pour rester en contact avec leurs familles et leurs amis, les soldats utilisaient le seul moyen à leur disposition : la poste (la correspondance) ; l'adresse des première et troisième brigade pour la France et l'étranger était le « secteur postal N. 189 ».

Habituellement, vers le milieu de 1916, les services postaux étaient très lents et les lettres à destination de la Russie prenaient énormément de temps, de six semaines à deux mois, et on ne voyait jamais l'ombre d'un journal russe. Lokhvitski et les officiers ne cachaient pas leur mécontentement quant au mauvais travail des services postaux.

Selon certaines données, en un seul mois, les soldats des deux brigades envoyaient

1

МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ГИРИ, КОМЕНДАНТ ВЕРЗЕНЕ (+),

ПОДПОРУЧИК ЧЕРНЕВСКИЙ (++),

ПОДПОРУЧИК (ПОРУЧИК) КЛОБУКОВ (+++)

SOUS-LIEUTENANT GUIRY, COMMANDANT D'ARMES DE LA PLACE DE VERZENAY (+)

SOUS-LIEUTENANT TCHERNEVSKY (++)

SOUS-LIEUTENANT KLOBOUKOFF (+++)

SECOND LIEUTENANT GIRI, COMMANDANT OF THE TROOPS OF THE COMMUNE VERZENAY (+)

SUB-LIEUTENANT TCHERNEVSKYI (++)

SUB-LIEUTENANT KLOBUKOV (+++)

2

ПРАЗДНИК РУССКОГО 1-ГО ОСОБОГО ПОЛКА ВО ФРАНЦИИ. ЛАГЕРЬ МАЙИ. НОЯБРЬ 1916

FÊTE PATRONALE AU 1ER RÉGIMENT SPÉCIAL RUSSE EN FRANCE. CAMP DE MAILLY.

NOVEMBRE 1916

HOLIDAY OF THE RUSSIAN FIRST SPECIAL REGIMENT IN FRANCE. CAMP MAILLY.

NOVEMBER 1916

3

В ШАМПАНИ. СЕКТОР ОБРИВ-СЮР-СЮИП. ОКТЯБРЬ 1916

CHAMPAGNE. SECTEUR D'AUBERIVE-SUR-SUIPPE. OCTOBRE 1916

IN CHAMPAGNE. SECTOR AUBERIVE-SUR-SUIPPE. OCTOBER 1916

1917 junior non-commissioned officer, gunner Ivan Ermin married maid Adele Pavlovsky, a Catholic, while private gunner Ivan Kovalchuk married a French citizen Madeleine Rodot, also a Catholic. Descendants of these Russian soldiers still live in France and remember their Russian roots, but, unfortunately, almost none of them speak the Russian language.

POSTAL CORRESPONDENCE

To maintain contact with family and friends soldiers used the only available means, namely, mail; the coded address for correspondence inside and outside France for the 1st and 3rd Russian brigades was "postal sector 189".

In general, by the middle of 1916 postal service worked slowly, letters would reach Russia in six to eight weeks, and Russian newspapers were almost never seen. Lokhvitskii and his officers did not hide their dissatisfaction with the poor performance of the postal service. According to some reports, in

ГРУППА ОФИЦЕРОВ РУССКОГО
ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА
С ФРАНЦУЗСКИМ ПЕРЕВОДЧИКОМ.
ФРАНЦИЯ. 1916

GROUPE DES OFFICIERS DU CORPS
EXPÉDITIONNAIRE RUSSE AVEC L'INTERPRÈTE
FRANÇAIS. FRANCE. 1916

RUSSIAN TASK FORCE OFFICER GROUP WITH
A FRENCH INTERPRETER. FRANCE. 1916

пулеметчик Иван Ковальчук – с французской гражданкой Маделен Родот, также католического вероисповедания. До сих пор во Франции живут потомки русских солдат и француженок, помнящие о своих русских корнях, но, к сожалению, практически никто из них не знает русский язык.

ПОЧТОВЫЕ СВЯЗИ

Для поддержания контактов с родными и друзьями солдаты использовали единственное доступное для них средство – почту; адрес для переписки внутри и вне Франции для 1-й и 3-й бригад указывался как «почтовый сектор 189».

В целом к середине 1916 года почтовые службы работали медленно, письма в Россию шли очень долго – от шести недель до двух месяцев, а русских газет почти не видели. Н. А. Лохвицкий и офицеры не скрывали своего недовольства плохой работой почтовой службы. По некоторым данным, в месяц солдаты двух бригад отсылали приблизительно по 50 тыс. писем. Если взять количество 1-й и 3-й бригад приблизительно за 20 тыс. человек, получается, что каждый из них в среднем должен был писать два письма ежемесячно.

Условия для переписки с родными существовали и на Македонском фронте. Адресаты солдат писали место назначения: «501-й почтовый сектор, Марсель». Командир 2-й особой пехотной бригады М. К. Дитерихс придавал особое значение поддержанию переписки подчиненных с адресатами в России, понимая, насколько отрицательно воздействует на

l'équivalent de 50 milles lettres. On compte que 20 milles soldats environ composaient les première et troisième brigades ce qui fait qu'en moyenne chacun d'entre-eux pouvaient écrire deux lettres par mois.

Des conditions existaient aussi pour la correspondance avec les familles sur le front macédonien. L'adresse de destination des soldats qui devait être écrite était : "secteur postal N. 501, Marseille". Dietrich, qui commandait la deuxième brigade d'infanterie spéciale, mettait l'accent sur le maintien de la correspondance des grades inférieurs avec la patrie, en comprenant bien que l'absence de nouvelles de la patrie affectait négativement le moral et l'état psychologique des soldats. Et particulièrement quand sur le front de Salonique, le courrier arrivait encore plus rarement que pour les soldats des troupes spéciales en France.

LE CLERGÉ

Le maintien de la combativité des soldats était en principe dévolu au clergé (chaque régiment avait un prêtre) mais ils s'avérèrent incapables de mener à bien cette mission. Malgré l'organisation de prières massives, qui faisaient une forte impression aux Français, la masse des soldats n'observait pas un profond respect pour la religion.

Le plus célèbre prêtre de troupes sur le front est devenu l'archiprêtre du 6ème régiment spécial le père Sokolovski, chevalier de 4ème classe de l'Ordre de Saint-Georges. En investissant toute son expérience et ses connaissances et en travaillant avec une énergie intarissable, il parvint à créer une "association morale et religieuse" au sein du régiment.

a month the two brigades of soldiers would send about 50 thousand letters. Assuming that the 1st and 3rd Special Brigades consisted of about 20 thousand people, it turns out that each of soldiers on average wrote two letters a month.

Conditions for correspondence with family existed on the Macedonian front as well. The coded address for the Russian soldiers was "501st postal sector, Marcel". Commander of the 2nd Special Infantry Brigade Diterichs assigned great importance to the maintenance of his subordinates' postal connection with homeland, realizing that lack of news from home negatively affects the moral and psychological mood of the soldiers. Especially when the mail to soldiers on the Thessaloniki front, as a rule was even slower and reached the addressees even less commonly than their colleagues quartered in France.

CLERGY

The job of keeping the morale of soldiers was primarily the domain of the clergy (each Regiment had one priest in its ranks), yet, when it came to the Russian Corps morale the clergy failed to perform this function. In spite of the well-organized mass prayers, which produced a great impression on the French, soldiers did not show any deep religious feelings.

The archpriest of the 6th Special Regiment, fr. Sergei Sokolovsky became famous for his bravery on the battlefield for which he was decorated with Order of St. George (4th degree). He was also tireless in his clerical duties and regiment formed

1

2

морально-психологической настрой солдат отсутствие вестей с родины, с учетом того, что почта на Салоникском фронте доходила еще реже, чем до Особых бригад во Франции.

Духовенство

Работу по поддержанию боевого духа солдат должно было прежде всего вести духовенство (каждому полку полагалось по одному священнику), но оно оказалось неспособным выполнить эту функцию. Несмотря на организацию массовых молебнов, производивших на французов огромное впечатление, глубокого религиозного почитания в солдатской массе не наблюдалось.

Самым известным на боевом прище полковым священником стал протоиерей 6-го особого полка отец Сергей Соколовский, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени. Он, работая с неутомимой энергией, образовал в полку некое «религиозно-нравственное общество», вложив в дело организации весь опыт и знания. Вероятно, именно поэтому он стал благочинным обеих Особых бригад. Батюшка принял участие в одной ночной вылазке 18 декабря 1916 года, где потерял кисть правой руки. Рядовой Михаил Сутягин и младший унтер-офицер Георгий Самин вынесли отца Сергея из боя (награжденные соответственно Георгиевскими крестами 4-й степени № 844 541 и 844 518). За подвиг на поле боя в тот день отец Сергей позднее получил орден Святого Владимира 3-й степени

C'est probablement pour cette raison qui devint le prêtre de deux brigades spéciales. Durant une expédition nocturne le 18 décembre 1916, le prêtre y perdit sa main droite. Le soldat d'infanterie Mikhaïl Soutiaguine et le sous-officier Guéorgui Samine portèrent Sergueï Sokolovski hors du champ de bataille (ils furent promus par la croix de Saint-Georges 4ème classe, numéros 844.541 et 844.518). Plus tard, toujours pour son exploit sur le champ de bataille, Sokolovski fut récompensé par l'Ordre de Saint-Vladimir de 3ème classe avec les glaives ; puis il fut récompensé par la croix de guerre par le gouvernement français ; le 23 décembre 1916, le président de la France honora ce prêtre orthodoxe par une des plus hautes décorations françaises – il fut fait chevalier de la Légion d'honneur.

Le prêtre du second régiment le père Andreï Bogoslovski fit preuve de courage en visitant l'avant du front et des positions sous le feu de l'ennemi et en y aidant les médecins à panser les blessés. Avec l'accord du maire d'une petite ville française, il créa une église de fortune pour le régiment dans une maison à moitié détruite.

L'ALIMENTATION

Un des problèmes les plus immédiats et essentiels au front est celui du ravitaillement en alimentation de bonne qualité nécessaire aux soldats et aux officiers. Les français créèrent une ration d'approvisionnement spécialement pour les soldats russes en prenant en considération leurs particularités alimentaires : le café fut remplacé par le thé dans les rations, on livrait une ration supplémentaire de gruau pour la bouillie, du pain pour faire

1

ОРДЕН СВЯТОГО ВЛАДИМИРА 4-Й СТЕПЕНИ
ORDRE DE SAINT-VLADIMIR DE LA 4ÈME CLASSE
ORDER OF SAINT VLADIMIR OF THE 4TH CLASS

2

ОРДЕН СВЯТОЙ АННЫ 3-Й СТЕПЕНИ
ORDRE DE SAINTE-ANNE DE LA 3ÈME CLASSE
ORDER OF SAINT ANNE OF THE 3RD CLASS

a “religious and moral society” in the Regiment, investing in it all of his life experience and knowledge. Likely, these factors led to his appointment as the Dean of both Brigades. Fr. Sokolovsky participated in a night raid on December 18, 1916, where he was wounded and lost his right hand. Private Mikhail Sutyagin and junior non-commissioned officer George Samin carried the wounded priest from the battlefield, for which they were decorated with Soldier's Crosses of the Order of St. George 4th degree, № 844.541 and 844.518. For his heroic feat on the battlefield Fr. Sokolovsky later was awarded the Order of St. Vladimir 3rd degree with swords, the French Command decorated the Russian priest with the Military Cross and on December 23, 1916 the French President honored Sokolovsky with admission to the Legion of Honor in the rank of Chevalier.

Another of the priests, the curate of the 2nd Special Regiment, Fr. Andrey Bogoslovsky often entered the trenches during battles and under artillery fire, helping medical personnel bandage the wounded. He is also remembered for obtaining the consent of the mayor of one of the French towns to arrange a field chapel in an abandoned damaged building.

FOOD

One of the most urgent and pressing issues during the war is the timely provision of quality meals to soldiers and officers. The French accommodated the specifics of the Russian dietary habits and created a set of special rations for the Russian troops: instead of cof-

с мечами; французское командование наградило батюшку Военным крестом; 23 декабря 1916 года президент Франции удостоил православного священника высокой награды – креста шевалье ордена Почетного легиона.

Мужество проявлял и священник 2-го особого полка отец Андрей Богословский: посещая передовую и позиции под обстрелом, он помогал врачам в перевязке раненых. С согласия мэра одного из французских городков в полуразрушенном доме батюшка устроил полковую церковь.

ПИТАНИЕ

Одной из самых актуальных и насущных проблем на фронте является своевременное обеспечение качественным продовольствием солдат и офицеров. Для русских военнослужащих, учитывая их национальные предпочтения в пище, французы сформировали специальный продовольственный паек: вместо кофе в солдатский рацион вошел чай, существовал и дополнительный отпуск крупы для каши, хлеба для кваса (во время формирования 1-й особой бригады для приготовления этого напитка было решено каждой роте выдать по одной 200-литровой бочке). В день солдату полагалось, например, 700 граммов хлеба, 400 граммов мяса, 800 граммов свежих овощей.

В госпиталях, где, как указывал Ж.-Ж.-С. Жоффру французский чин военно-медицинской службы в докладе от 24 февраля 1917 года, «средний аппетит русских солдат требует чувствительно питания более избыточного, чем аппетит французских», ежедневная норма выдачи хлеба составляла 600–900 граммов, а также были увеличены нормы выдачи овощей и мяса³.

Поскольку с 1908 года в России выдача водки (либо его допустимого эквивалента – виноградного вина или пива) и его продажа нижним чинам были запрещены, а с 1913 года в России действовал сухой закон, «винную порцию» (то есть водку) солдаты не получали. Однако, даже несмотря на многочисленные запреты, они постоянно употребляли спиртные напитки. После Февральской революции официальные запреты на употребление алкогольных напитков сначала были смягчены, а затем и вовсе отменены.

du kvas (au moment de la formation de la première brigade spéciale, on décida de fournir à chaque compagnie un baril de 200 litres pour la préparation de cette boisson). Un soldat avait besoin chaque jour, par exemple, de 700 g. de pain, de 400 g. de viande et de 800 g. de légumes frais.

Dans les hôpitaux, où, comme l'indiquait Joffrou gradé du service militaro-hospitalier français, le 24 février 1917, «l'appétit moyen des soldats russes demande sensiblement plus d'alimentation que par rapport à l'appétit des français», la norme quotidienne de distribution du pain devait être de 600 à 900 g., et l'on devait augmenter de même les quantités de légumes et de viande distribuées³.

Dès 1908, la distribution de vodka (ou des équivalents admissibles comme le vin ou la bière) et sa vente fut interdite aux non-gradés et, en 1913, une loi de prohibition de l'alcool interdisait la distribution de la «portion de vin» (c'est-à-dire de vodka). Cependant, malgré les nombreuses interdictions, les soldats buvaient tout de même des boissons spiritueuses. Après la Révolution de février, ces interdictions officielles sur la consommation d'alcool furent d'abord allégées puis totalement supprimées.

Les soldats russes étaient sincèrement étonnés par la culture de l'alcool chez les français : ils ne boivent pas moins que les russes mais on ne voit pas d'ivrognes chez eux. «Mes aïeux ! Quand moi je bois à en être malade, il me faut faire une bagarre. Mais lui il boit et il chantonne, il s'amuse et il semble y prendre du plaisir...» Mais cependant, tous les moments d'ivresse ne se terminait pas si paisiblement entre les Français, parfois de grandes bagarres pouvaient éclater entre les soldats ivres et pouvaient même être sanglantes. Le médecin-commandant, L. Weber, qui avait émigré longtemps avant la guerre de Russie, se souvient avec amusement de la différence entre les soldats russes et français dans leurs besoins. Ignatiev arriva à l'hôpital où travaillait le docteur L. Weber à la fin de l'année 1916. Tout d'abord, il s'approcha des Français et leur demanda : que voulez-vous que l'on vous offre pour le Nouvel An ? Et ceux-ci répondirent avec joie : «Pour nous ça sera du vin, mon général». Et les soldats russes répondirent avec assurance à cette question : «Des livres, votre Excellence». Weber poursuivait : «On voyait des groupes

fee, a staple of the French rations, tea was included; Russians also received an extra allowance for cereal grains and bread to make kvass (during the formation of the 1st Special Brigade it was decided to give to each company a 200 liter barrel specifically for the making of kvass). The daily ration for one soldier included 700 grams of bread, 400 grams of meat and 800 grams of fresh vegetables.

The daily hospital rations for the wounded Russians were also sufficient: bread to 600-900 grams, with corresponding increases in meat and vegetable allowances; this was done, as a French medical official reported to Marshal Joffre on February 24, 1917, to accommodate the fact that the appetite of an average Russian soldier is sensibly in need of more nutrition than appetite of a French soldier³.

Since 1908 alcohol in the form of Russian vodka (or its acceptable equivalents, grape wine or beer) was not a part of the daily rations and its sale to the lower ranks was banned; later, in 1913 Russia enacted a «dry law» banning all «wine rations» (this included vodka). However, despite the numerous bans, soldiers constantly consumed alcohol, and after the February 1917 Revolution in Russia the official ban on alcoholic beverages was first relaxed, and then completely abolished.

Russian soldiers were genuinely surprised by the French culture of drinking: the French drank no less than the Russians did, yet they did not become visibly intoxicated. «Sublime creatures! Take me – I drink, get unhappy, and always look for a fight. And he's drinking and singing songs – and he is enjoying himself, and it is a pleasure to look at him...» Yet the stereotypes may be misleading: use of alcohol by the French was not always as peaceful as described; there were mass brawls and even riots by the drunken French soldiers. An interesting historical fact is relayed by Doctor Major L. Weber, who immigrated long before the war to France from Russia: with obvious pleasure, the field physician recalled the difference in requests of Russian and French soldiers. At the end of 1916, the hospital, where Weber worked, was visited by Ignatieff, who first he went to the wounded French and asked about their wishes for the New Year's presents. They enthusiastically responded: «May we have some wine, Gen-

НАШЕ ПРИБЫТИЕ. ШАЛОНСКИЙ ЛАГЕРЬ.
МУРМЕЛОН-ЛЕ-ГРАН. 27 ИЮНЯ 1916

NOTRE ARRIVÉE. CAMP DE CHÂLONS.
MOURMELON-LE-GRAND. LE 27 JUIN 1916

OUR ARRIVAL. CAMP OF CHÂLONS.
MOURMELON-LE-GRAND. JUNE 27, 1916

Русские солдаты искренне удивлялись культуре распития спиртных напитков у французов: пьют не меньше русских, а пьяных не видно. «Возвышенное устройство! Меня возьми – выпью, так тошно станет, беспримерно полезу драться. А он пьет и песенки поет – и ему весело, и глядеть одно удовольствие». Между тем далеко не все случаи употребления спиртных напитков французами оканчивались столь мирно: между пьяными французскими солдатами могли вспыхивать массовые драки, превращавшиеся в настоящие кровавые побоища. Врач майор Л. Вебер, эмигрировавший задолго до войны из России, с явным удовольствием вспоминал разницу в запросах русских и французских солдат. В госпиталь, где работал Л. Вебер, под конец 1916 года прибыл А. А. Игнатьев. Сначала он подошел к французам и спросил, что им подарить на Новый год? Те с удовольствием ответили: «Нам бы винца, господин генерал». На тот же вопрос русские солдаты уверенно ответили: «Книги, ваше превосходительство». Л. Вебер продолжал: «Можно было видеть группы безграмотных, собиравшихся вокруг грамотного, который, запинаясь, читал по слогам какую-то популярную брошюру по астрономии. Они ничего не понимали, но Наука и Знания притягивали солдат неведомым магнитом»⁴.

В дни полковых и ротных праздников и, разумеется, во время Пасхи (15 апреля

d'illettrés se réunirent autour d'un lettré qui bafouillait en lisant une quelconque brochure populaire sur l'astronomie. Ils ne comprenaient rien mais la Science et le Savoir attiraient les soldats grâce à la soif de connaissance »⁴.

Les jours des fêtes des régiments et des compagnies et probablement à Pâques (le 15 avril 1916 et le 23 avril 1917), les commandants russes préparaient des banquets pour les soldats. Les Français les rejoignaient. Par exemple, sous ordre spécifique, avant la fête du Nouvel An 1917, le gouvernement français avait donné à chaque soldats de la première brigade spéciale (et probablement à ceux de la troisième brigade) comme cadeaux pour la nouvelle année 100 g de jambon, deux paquets de cigarettes, deux biscuits secs et deux oranges.

Néanmoins, certains soldats se permirent, pratiquement dès le début de leur séjour en France, et à l'instar des Poilus (surnom des soldats français durant la Première Guerre mondiale), de pratiquer la pêche illégale et le braconnage, ce qui était rigoureusement interdit. La volonté de diversifier les gamelles des soldats, même par des moyens tout à fait ordinaires et inoffensifs comme, par exemple, la cueillette de champignons dans les bocages et les bois alentours, pouvaient parfois se transformer en de véritable tragédies à cause des décès que cela pouvait provoquer, probablement à cause de l'ignorance des soldats sur la cueillette de certaines espèces de champignons.

eral.” When the same question was posed to the Russian soldiers, they confidently replied “books, Your Excellency.” Weber continued: “One could see a group of the illiterate, gathered around one barely literate soldier who would haltingly, syllable by syllable read some popular pamphlet on astronomy. They did not understand anything, but Science and Knowledge attracted these soldiers like a magnet”⁴.

During the regimental and company holidays and, of course, during Easter (which fell on April 15, 1916 and April 23, 1917), the Russian Command would extend extra rations to the soldiers and organize festive repasts. The French were also generous: in 1917 on special order, before the celebration of the New Year, the French government granted the lower ranks of 1st Special Brigade (most likely, and the lower ranks of the 3rd Special Brigade) additional Christmas gifts, allocating to each soldier 100 grams of “vyadchina” (the Russian folk pronunciation of vetchina, ham – tr.), two packs of cigarettes, two dry biscuits and two oranges.

Nevertheless, some of the lower ranks almost since the beginning of their stay in France indulged, as did many of the “poilu” (the nickname of French soldiers during World War I), in illegal fishing and poaching, even though that was strictly forbidden. Even the most innocuous attempts to diversify and enrich the soldiers’ diet, for example, by gathering mushrooms in nearby woods

Кухня 1-го полка в лесу Мармит. Фронт в Шампани. Сектор Обрив-сюр-Сюпп. Июль 1916

CUISINE DU 1ER RÉGIMENT AU BOIS DES MARMITES. FRONT DE CHAMPAGNE. SECTEUR D'AUBERIVE-SUR-SUIPPE. JUILLET 1916

KITCHEN OF THE FIRST REGIMENT IN THE FOREST MARMITES. CHAMPAGNE FRONT. SECTOR AUBERIVE-SUR-SUIPPE. JULY 1916

1916 и 23 апреля 1917 года), русское командование устраивало солдатам праздничный стол. Не отставали и французы. Например, по особому указанию перед празднованием Нового, 1917 года французское правительство сделало нижним чинам 1-й особой бригады (скорее всего, и нижним чинам 3-й бригады) новогодний подарок, выделив каждому солдату по 100 граммов «вядчины», две пачки папирос, два сухих бисквита и два апельсина.

Тем не менее некоторые нижние чины практически с самого начала пребывания во Франции позволяли себе, как и сами «пуало» (прозвище французских солдат во время Первой мировой), рыбную ловлю браконьерскими способами или охоту этими же способами, что строжайше воспрещалось. Попытка разнообразить солдатский стол даже вполне обычным безобидным способом, например сбором грибов в близлежащих рощицах и лесах, иногда превращалась в трагедию, заканчивавшуюся летальным исходом, – вероятно, из-за незнания солдатами собираемых грибов.

На Балканах питание русских чинов было поставлено плохо, но в силу объективных условий. На передовую в горах пища доставлялась с трудом, особенно горячая, и солдатам приходилось чаще пользоваться котелками, чем их товарищам во Франции. Более того, дрова становились первейшим дефицитом: повара были вынуждены использовать в качестве топлива даже ружейные приклады непригодных для стрельбы французских и неприятельских винтовок.

Dans les Balkans, la nourriture des troupes russes était mal livrée, mais c'était dû à des conditions naturelles. En première ligne, dans les montagnes, on avait peine à livrer les rations, surtout si elles étaient chaudes, et les soldats utilisaient plus souvent des marmites que leurs compagnons en France. De plus, le manque de bois était un problème de premier ordre : les cuisiniers en étaient réduits à utiliser les crosses des fusils obsolètes français et ennemis pour faire du feu.

Comme en France, les gradés des “brigades balkaniques” essayaient d'améliorer leur alimentation, et particulièrement après février 1917. Mais une telle occupation pouvait parfois avoir des conséquences tragiques. Ainsi, en septembre 1917, le commandant de la deuxième division spéciale, le général I. M. Tarbeïev, écrivait : “A ma grande surprise, j'appris que parmi ceux qui avaient violé l'interdiction de braconner, se trouvaient des officiers. A l'hôpital de Koritsa fut amené le soldat Kozine de la huitième infanterie spéciale qui avait été blessé à la jambe durant la chasse. L'officier fut cruellement punis...”, en effet, il fut amputé d'une jambe à l'hôpital. Le soldat de rang du 7ème régiment Iakovenko s'était lui aussi retrouvé blessé durant la chasse⁵.

Par ailleurs, les soldats français de l'armée de l'Est n'étaient pas non plus assurés dans leur ravitaillement. Le 5 février 1918, le commandant en chef de l'armée de l'Est, A. Guillaumat, écrit des paroles très franches au ministre de la guerre français : “On ne peut pas négliger la question de l'alimentation, de la santé et de la combativité... Il est indispensable de trouver au plus vite de nouveaux

and groves, sometimes turned into tragic events with fatalities, likely due to the ignorance of the soldiers who would gather poisonous mushrooms because of unfamiliarity with the local species.

In the Balkans, the supply of food to the Russian soldiers was organized rather poorly, but this was due to the objective reasons. At the front lines in the mountains of food was delivered with great difficulty, especially hot food, and soldiers had to use their mess tins and kettles more often than their comrades had to do in France. The greatest deficit was that of firewood, the chefs even had to use rifle butts from broken allied rifles and captured rifles of the enemy as fuel.

As in France, the “Balkan ranks” also tried to enrich their tables, especially after the February 1917 Russian revolution. However, this illegal pastime sometimes ended in tragedy. In September 1917 the commander of the 2nd Special Brigade, General I. M. Tarbeyev reported that “much to my surprise, I've learned that the violators of the hunting ban were sometimes the officers themselves. To a hospital in Koritsa was brought Ensign Kozin of the 8th Infantry Special Regiment who was wounded in the leg while hunting. This officer brutally punished himself...” as his leg had to be amputated. To the same hospital got admitted private of the 7th Regiment Yakovenko, also wounded during a hunt⁵.

Importantly, the French soldiers of the Army of the Orient were also not provided with sufficient food rations. On February 5, 1918 Chief of the Army of the Orient, General A. M. L. Guillaumat wrote these heartfelt

ДОСТАВКА СУПА НА ПЕРЕДОВЫЕ ПОЗИЦИИ.
ФРОНТ В ШАМПАНИ. СЕКТОР ОБРИВ-СЮР-
СЮИП. ИЮЛЬ 1916

TRANSPORT DE LA SOUPE AUX TRANCHÉES DE LA
1ÈRE LIGNE. FRONT DE CHAMPAGNE. SECTEUR
D'AUBERIVE-SUR-SUIPPE. JUILLET 1916

SOUP DELIVERY TO THE FRONTLINE. FRONT
IN CHAMPAGNE. SECTOR AUBERIVE-SUR-
SUIPPE. JULY 1916

ОБЕД. ФРОНТ В ШАМПАНИ.
СЕКТОР ОБРИВ-СЮР-СЮИП. ИЮЛЬ 1916

L'HEURE DE LA SOUPE. FRONT DE CHAMPAGNE.
SECTEUR D'AUBERIVE-SUR-SUIPPE.
JUILLET 1916

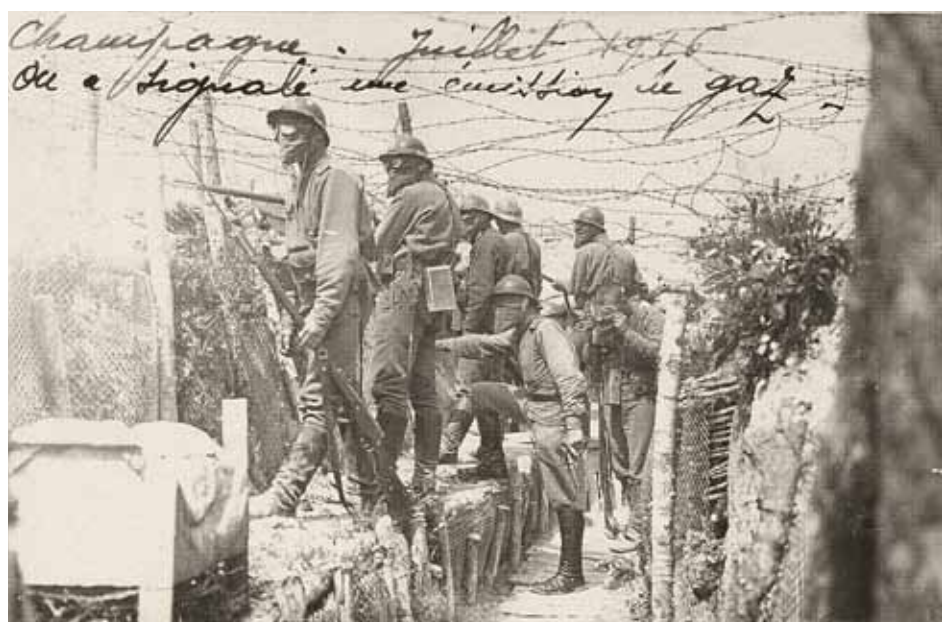
SOUP TIME. FRONT IN CHAMPAGNE.
SECTOR AUBERIVE-SUR-SUIPPE. JULY 1916

ОБЪЯВЛЕНО О НАЧАЛЕ ГАЗОВОЙ АТАКИ.
ФРОНТ В ШАМПАНИ. ИЮЛЬ 1916

ON A SIGNALÉ UNE ÉMISSION DE GAZ.
FRONT DE CHAMPAGNE. JUILLET 1916

GAS POISON ATTACK WAS ANNOUNCED.
FRONT IN CHAMPAGNE. JULY 1916

Как и во Франции, чины «балканских бригад» пытались разнообразить свой стол, особенно после Февраля 1917 года. Однако подобное времяпровождение иногда заканчивалось трагедиями. Так, в сентябре 1917 года командир 2-й особой дивизии генерал И. М. Тарбеев говорил: «К большому моему удивлению я узнал, что нарушителями запрещения охоты являются иногда сами офицеры. В госпиталь в Корицу доставлен был раненый на охоте в ногу 8-го особого пехотного полка прапорщик Козин. Офицер этот жестоким образом наказал себя сам», поскольку в госпитале офицеру ампутировали ногу. В тот же госпиталь попал рядовой 7-го полка Яковенко, раненный на охоте⁵.

Впрочем, французские солдаты в составе Восточной армии на Балканах (то есть вдали от родины) также не были обеспечены продовольствием в достаточной мере. Так, 5 февраля 1918 года главнокомандующий Восточной армией генерал А.-М.-Л. Гийомэ написал военному министру Франции весьма проникновенные строки: «Нельзя пренебрегать вопросами продовольствия, здоровья и боевого духа... Необходимо найти другие способы снабжения Восточной армии провиантом, и чем быстрее, тем лучше»⁶. Поэтому французским солдатам в свободное от несения боевой службы время приходилось ради обеспечения свежими овощами заниматься возделыванием собственных огородов и поиском новых источников воды.

САНИТАРНОЕ ДЕЛО

Одним из самых сложных вопросов для Верховного русского командования оказался не проработанный им вопрос о лечении больных и раненых во французских госпиталях. Перед отправкой Особых бригад за границу русское командование не позаботилось заранее об учреждении собственных стационарных госпиталей во Франции (и на Балканах). Поэтому данную проблему пришлось решать на месте и, разумеется, А. А. Игнатьеву. Для лечения больных и раненых, по инициативе русского военного атташе и по согласованию с французским военным министерством, Париж предоставил койки во французских госпиталях.

мoyens pour ravitailler l'armée de l'Est »⁷⁶. Les soldats français étaient donc obligés de cultiver leurs propres potagers pour subvenir aux besoins en légumes frais et chercher de nouvelles sources d'eau durant leur temps libre (leurs permissions).

LES CONDITIONS SANITAIRES

L'une des questions les plus difficiles pour l'état-major russe fut celle du traitement des malades et des blessés dans les hôpitaux français qui n'avait pas été prévue. Avant l'envoi des brigades spéciales à l'étranger, le commandement russe n'avait pas préparé l'organisation de ses propres centres médicaux en France (et dans les Balkans). Par conséquent, ce problème dut être résolu in situ et, bien entendu, c'est Ignatiev qui s'en chargea. Pour l'accueil des malades et des blessés, Paris, à l'initiative d'Ignatiev et en accord avec le ministère français de la guerre, mit à leur disposition des lits dans les hôpitaux français.

Les Français créèrent la section N. 1 de véhicules sanitaires russes pour faire transporter les blessés : elle était composée de 20 ambulances légères avec pour chacune deux chauffeurs militaires dont l'un d'eux était soit Russe, soit Français russophone.

A partir d'une infirmerie divisionnaire, les officiers et les soldats blessés et malades devaient être envoyés dans un hôpital français de transit près de Chalons-sur-Marne où l'on effectuait un triage : ceux qui étaient légèrement blessés ou malades allaient à Mailly (sur ordre personnel d'Ignatiev, une partie des baraques du camp avait été aménagée en hôpital d'une capacité de 400 lits et avec un personnel franco-russe), ceux qui étaient blessés modérément ou grièvement étaient envoyés dans les hôpitaux à l'arrière. Deux commissions spéciales furent formées pour statuer sur le sort d'autres malades et blessés : une à Mailly sous le commandement d'un des chefs de brigades et une autre à Paris dirigée par Ignatiev.

En pratique, tout paraissait plus compliqué. On ne réussit pas à organiser un système d'évacuations des blessés au front et des malades russes gradés et de même pour la tentative de création d'un centre de triage à Chalons. Le commandement des deux brigades pouvait tout simplement ne pas savoir où étaient soignés leurs subalternes du fait que les Français n'informaient pas, en

ГЕОРГИЕВСКИЙ КРЕСТ 4-Й СТЕПЕНИ

CROIX DE SAINT-GEORGES DE LA 4ÈME CLASSE

SAINT GEORGE CROSS OF THE 4TH CLASS

words to the Minister of War of France: "You cannot ignore the issues of food, health and morale... the need to find other ways to supply the Army of the Orient with provisions, and the sooner the better"⁷⁶. Thus, the French soldiers when not engaged in combat resorted to growing their own vegetables and spending time in search of new sources of water.

MEDICAL CARE

One of the most difficult issues the Russian Supreme Command was the poorly researched and planned question about the treatment of the sick and wounded in the French military hospitals. The Russian command did not think in advance before dispatching the Special Brigades about the need to establish their own permanent hospitals in France or the Balkans. Therefore, this problem had to be solved on the spot and, as expected, by Ignatieff. On Ignatieff's request, to which the French Ministry of War agreed, Paris provided beds in French hospitals for the treatment of the sick and wounded.

For transporting the wounded from the battlefield, the French designated the 1st Automotive-sanitary section of the 1st Rus-

1

АТАКА 4 (17) ИЮЛЯ 1916. ФРОНТ
В ШАМПАНИ. СЕКТОР ОБРИВ-СЮР-СЮИП

ATTAQUE 17 JUILLET 1916. FRONT
DE CHAMPAGNE. SECTEUR D'AUBERIVE-SUR-
SUIPPE

ATTACK JULY 17, 1916. FRONT IN CHAMPAGNE.
SECTOR D'AUBERIVE-SUR-SUIPPE

2

ПОСЛЕ АТАКИ 4 (17) ИЮЛЯ 1916. ФРОНТ
В ШАМПАНИ. СЕКТОР ОБРИВ-СЮР-СЮИП

APRÈS L'ATTAQUE 17 JUILLET 1916.
FRONT DE CHAMPAGNE. SECTEUR
D'AUBERIVE-SUR-SUIPPE

AFTER ATTACK JULY 17, 1916. CHAMPAGNE
FRONT. SECTOR AUBERIVE-SUR-SUIPPE

3

ОДИН ИЗ НЕМЕЦКИХ ПЛЕННЫХ, ВЗЯТЫХ
ВО ВРЕМЯ АТАКИ ВТОРОЙ РОТЫ 1-ГО ОСОБОГО
ПОЛКА. ФРОНТ В ШАМПАНИ. СЕКТОР
ОБРИВ-СЮР-СЮИП. 4 (17) ИЮЛЯ 1916

UN DES PRISONNIERS ALLEMANDS DE
L'ATTAQUE PRIS PAR 2^E CIE DU 1ER RÉGIMENT
SPÉCIAL. FRONT DE CHAMPAGNE. SECTEUR
D'AUBERIVE-SUR-SUIPPE. 17 JUILLET 1916

ONE OF THE GERMAN PRISONERS CAPTURED
DURING THE ATTACK BY THE SECOND TROOP
OF THE FIRST SPECIAL REGIMENT. CHAMPAGNE
FRONT. SECTOR AUBERIVE-SUR-SUIPPE.
JULY 17, 1916

Для транспортировки раненых с поля
боя французы выделили автомобильную
санитарную секцию № 1 Русского авто-
мобильно-санитарного отряда: 20 легких
санитарных автомобилей, при каждом
авто два военных шофера, один из ко-
торых был либо русский, либо знавший
русский язык француз.

Из дивизионного лазарета раненых
и больных офицеров и солдат следовало
направлять во французский эвакуацион-
ный госпиталь в окрестностях Шалон-на-
Марне, где должна была производиться
сортировка: легкораненых и больных –
в Майи (по личному распоряжению
А. А. Игнатьева в Майи часть барачков
была отведена для госпиталя с русско-
французским персоналом на 400 коек),
раненых средней тяжести и тяжелоране-
ных – в тыловые госпитали. Для решения
дальнейшей судьбы раненых и больных
были сформированы две специальные
комиссии: в Майи под командованием

1

2

3

одного из командиров бригад и в Париже во главе с А. А. Игнатьевым.

На практике все выглядело сложнее. Жесткую систему эвакуации раненых с передовой и больных русских чинов так и не удалось организовать, как и создать централизованный сортировочный пункт в Шалоне. Командование обеих бригад могло просто не знать, где на излечении находятся их подчиненные, так как французы либо не извещали русские военные и гражданские власти вообще (русских больных или раненых даже могли причислить к немецким военнопленным), либо присылали извещения, но с огромным опозданием. Пациенты теряли связь с русскими властями, не получая ни вещевого, ни денежного довольствия, и поскольку деньги на их содержание выделялись Парижем, французы тратили на них, вероятно, самые минимальные суммы.

Специальная русская медицинская комиссия, работавшая в 1917 году, признавала самым серьезным недостатком в работе русских медицинских служб разбросанность раненых и больных обеих бригад. Однако трагизм ситуации проявлялся не в «рассеивании» русских чинов по французским госпиталям, происходившем не из-за чьего-то злого умысла, а в силу несчастливого стечения обстоятельств. Трагизм проявлялся в том, что, попадая во французские госпитали, офицеры и особенно солдаты оказывались вырванными из своего мира, в котором они жили, в чужой католической стране. Незнание французского языка как среди солдат, так и среди офицеров только усугубляло их и так несчастливое положение. Отсутствие переводчиков могло привести и приводило к полному непониманию между врачами и пациентами. Так, русская медсестра, работавшая в госпитале в Бордо (и единственная знавшая в госпитале русский язык!), сообщила русскому консульству о плохом обеспечении больных и раненых русских солдат, к тому же ввиду отсутствия переводчиков раненых нередко клали на носилки на раненую руку или ногу, поскольку санитары не понимали, что им говорили русские солдаты.

Русские воинские чины имели все возможности для лечения наравне с французами. В Ницце, например, была больница,

général, les militaires russes ou les autorités civiles (les malades ou blessés russes pouvaient même être mis avec les prisonniers de guerre allemands), ou envoyaient les informations mais bien après. Les patients perdaient contact avec les autorités russes et ne recevaient ni argent, ni vêtements, car Paris les avait à sa charge et que, probablement, les Français ne dépensaient que le minimum pour eux.

La commission médicale spéciale russe qui travailla en 1917 reconnut que le plus grave défaut de l'organisation des services médicaux russes était l'éparpillement des blessés et des malades des deux brigades. Cependant, la tragédie de la situation ne résidait pas dans la " dispersion " des russes gradés dans les hôpitaux de France, qui n'était pas la mauvaise volonté de quelqu'un en particulier mais à cause d'un concours de circonstances. La véritable tragédie était, qu'après avoir été admis dans ces hôpitaux, les officiers et surtout les soldats étaient arrachés au monde qu'ils connaissaient et vivaient désormais dans un monde étranger (et catholique) avec ses propres règles et coutumes. L'absence de connaissances en langue française (aussi bien parmi les soldats que les parmi les officiers) aggravait encore plus leur calvaire. La manque de traducteurs pouvait mener, et menait, à une incompréhension totale entre les médecins et leurs patients. Ainsi, une infirmière russe qui travaillait dans un hôpital de Bordeaux (et qui était la seule à parler russe de tout l'hôpital !) fit part au consulat russe du mauvais traitement des soldats russes malades ou blessés car en l'absence d'interprètes, les blessés avec la main ou le pied cassés étaient placés à plusieurs reprises sur des brancards de l'extrémité souffrante, et que les brancardiers ne comprenaient pas ce que leur disaient les soldats russes.

Les officiers russes disposaient des mêmes possibilités que les Français pour leurs traitements. A Nice, par exemple, ils disposaient d'un hôpital spécialisé dans les maladies ophtalmologiques et vénériennes. En Bretagne, les soldats de première classe avaient des leçons de rééducation et à Montpellier existait une école pour les guerriers mutilés (" Ecole pour la réadaptation des estropiés ") où les personnes avec des prothèses pouvaient apprendre différents métiers (jusqu'à la fabrication de prothèses pour les jambes et les bras pour leurs camarades),

sian automotive medical unit that consisted of 20 light ambulances with two military chauffeurs per car, one of whom was either Russian or a Russian-speaking Frenchman.

From the divisional hospital the sick and wounded officers and soldiers were directed to the French evacuation hospital near Chalon-sur-Marne, where they were triaged: those wounded and sick who were capable of walking were sent to Les Maillys (on the personal order Ignatieff, at Les Maillys part of the barracks, totaling 400 beds were set aside for a hospital with combined Russian and French staff), those moderately and severely wounded were sent to the hinterland hospitals. The future fate of the wounded and sick was decided by two special committees: in Les Maillys under the command of one of the brigade commanders, and in Paris, headed by Ignatieff.

In practice, it did not work out as planned: the system for the evacuation of the wounded from the battlefield and the sick was not established and the attempts to create a central sorting station in Chalon failed. Command of both Special Brigades was unable to establish where their soldiers employees were treated because the French side either did not notify the Russian military and civil authorities at all (Russian sick and wounded sometimes were even counted among the German prisoners of war), or, if the information was sent, there was a lengthy delay. Patients often lost contact with the Russian authorities, thus leaving them without any clothing or monetary allowances, and since there was no money allocation for their treatment, the French spent on them the minimal amount of funds.

In 1917 the Russian special medical committee, recognized the most serious flaw in the Russian medical services as the scattering of the sick and wounded of both Special Brigades in various French hospitals. However, the tragedy of the situation of the "dispersion" of Russian soldiers was not due to someone's ill will, but arose because of unfortunate circumstances. The tragedy was manifested in the fact that, after getting evacuated to various French hospitals, officers and especially soldiers would find themselves torn from their own world and existing in a foreign (and Catholic) country that required them to live in accordance with its own ways and customs. Lack of knowledge

1

4

2

5

3

1

НАША ПОЗИЦИЯ НА ВЕЛЕ. ШЛЮЗОВОЙ МОСТ. КОМАНДНЫЙ ПУНКТ. ШТАБ. ШАМПАНЬ. ДЕКАБРЬ 1916

NOTRE POSITION SUR LA VESLE. PONT DE L'ECLUSÉ. POSTE DE COMMANDEMENT. ETAT MAJOR. CHAMPAGNE. DÉCEMBRE 1916

OUR POSITION NEAR VESLE. SLUICE BRIDGE. COMMAND CENTER. EXECUTIVE STAFF. CHAMPAGNE. DECEMBER 1916

2

НАШИ ПОЗИЦИИ В МАРКИЗ. ФРОНТ В ШАМПАНИ. ДЕКАБРЬ 1916 – ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ 1917

NOS POSITIONS AUX MARQUISES. FRONT DE CHAMPAGNE. DÉCEMBRE – JANVIER – FÉVRIER 1917

OUR POSITION IN MARQUISES. FRONT IN CHAMPAGNE. DECEMBER 1916 – JANUARY – FEBRUARY 1917

3, 5

НА ПЕРЕДОВОЙ

À L'AVANT-GARDE

ON THE FRONTLINE

4

МАШИНА ДЛЯ РЫТЬЯ ТРАНШЕЙ. РУССКИЙ БОЕВОЙ УЧАСТОК БЛИЗ ФЕРМЫ ЭСПЕРАНС. 12 СЕНТЯБРЯ 1916

MACHINE À FOSSEoyer. ZONE DES OPÉRATION RUSSES PRÈS DU FERME ESPÉANCE. LE 12 SEPTEMBRE 1916

MACHINE FOR DITCHING. RUSSIAN AREA OF OPERATIONS NOT FAR FROM THE FARM ESPÉANCE. SEPTEMBER 12, 1916

1

2

3

1

ГЕНЕРАЛ ЛОХВИЦКИЙ В ОКРУЖЕНИИ
ОФИЦЕРОВ СВОЕЙ БРИГАДЫ.

СПРАВА: НЕЧВОЛОДОВ

GÉNÉRAL LOKHVITSKY ENTOURÉ DES OFFICIERS
DE SA BRIGADE. À DROITE : NETCHVOLODOFF

GENERAL LOXVITSKY SURROUNDED BY THE
OFFICERS OF HIS BRIGADE.

ON HIS RIGHT: NETCHVOLODOV

2, 3

ВОСПИТАННИКИ (1-й БРИГАДЫ).
25 ИЮНЯ 1916.

LES ÉLÈVES (DE LA PREMIÈRE BRIGADE).

LE 25 JUIN 1916

PUPILS (OF THE FIRST BRIGADE). JUNE 25, 1916

1

2

3

1

ГЕНЕРАЛ ЛОХВИЦКИЙ. ИЮЛЬ 1917

LE GÉNÉRAL LOKHVITSKY. JUILLET 1917

GENERAL LOKHVITSKY. JULY, 1917

2

СМОТР РУССКИХ ВОЙСК ПРЕЗИДЕНТОМ
 ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПУАНКАРЕ.
 ЛАГЕРЬ МАЙИ. 13 ИЮНЯ 1916

REVUE DES TROUPES RUSSES PAR LE PRÉSIDENT
 DE LA RÉPUBLIQUE POINCARÉ. CAMP DE
 MAILLY. 13 (26) JUIN 1916

RUSSIAN TROOPS REVIEW BY THE PRESIDENT
 OF THE FRENCH REPUBLIC POINCARÉ. CAMP
 MAILLY. JUNE 13 (26), 1916

3

СМОТР 1-й ОСОБОЙ БРИГАДЫ РУССКОГО
 ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА. НА ПЕРЕДНЕМ
 ПЛАНЕ, СЛЕВА НАПРАВО: ПОЛКОВНИК
 НЕЧВОЛОДОВ, ГЕНЕРАЛ Н. А. ЛОХВИЦКИЙ,
 ГЕНЕРАЛ А.-Ж.-Э. ГУРО. ШАМПАНЬ. 1916

REVUE DE LA PREMIÈRE BRIGADE SPÉCIALE
 DU CORPS EXPÉDITIONNAIRE RUSSE.

AU PREMIER PLAN, DE LA GAUCHE VERS LA
 DROITE : (COLONEL NETCHVOLODOV),
 GÉNÉRAL N. A. LOKHVITSKYI, GÉNÉRAL
 A. J-E GOURAUD. CHAMPAGNE. 1916

REVUE OF THE FIRST SPECIAL BRIGADE
 OF THE RUSSIAN TASK FORCE. IN THE
 FOREGROUND, FROM LEFT TO RIGHT: (COLONEL
 NETCHVOLODOV), GENERAL N. A. LOHVITSKIY,
 GENERAL A. J-E. GURO. CHAMPAGNE. 1916

специализирующаяся по офтальмологическим и венерическим болезням. В Бретани нижние чины проходили курс выздоровления, а в Монпелье находилась «Школа для увечных воинов» («Школа для воспитания увечных»), где инвалиды с искусственными конечностями могли обучаться разным видам ремесла (вплоть до приготовления искусственных ног и рук для своих товарищей), письму левой рукой и грамоте, в том числе французскому языку. В Марселе имелись медицинские центры для изготовления глазных, челюстных протезов, а также центры нервной хирургии. Для русских чинов в Париже был создан центр по лечению нервных и психических расстройств. Некоторые

la lecture, l'écriture de la main gauche ainsi que la langue française. A Marseille, il y avait des centres médicaux pour la confection de prothèses d'yeux, de mâchoires et pour la chirurgie nerveuse. Pour les officiers russes, fut créé à Paris un centre pour le traitement des chocs traumatiques et des perturbations mentales. Certains des malades et des blessés (en France et dans les Balkans) étaient renvoyés en Russie.

Les officiers russes, conformément à leurs rangs, étaient traités dans les meilleures conditions. Ainsi, un département spécifique de "l'Union Nationale italienne pour l'aide aux voyageurs étrangers" sur le lac Garda proposait, par amitié et sympathie envers la Russie alliée, au commandement russe

ПОЧЕТНЫЙ КАРАУЛ ПРИ ПОГРЕБЕНИИ

ПОГИБШИХ В АТАКЕ.

ФРОНТ В ШАМПАНИ. 18 (31) ЯНВАРЯ 1917

PIQUET D'HONNEUR.

ENTERREMENT DES MORTS DE L'ATTAQUE.

FRONT DE CHAMPAGNE. 31 JANVIER 1917

GUARD OF HONOUR.

FUNERAL OF THE ATTACK DEAD.

CHAMPAGNE FRONT. JANUARY 31, 1917

of the French language (among both the soldiers and the officers of Russian Corps) only exacerbated their already unhappy situation. Lack of interpreters could lead to complete miscommunication between doctors and patients. Accordingly, a Russian nurse, who worked in a hospital in Bordeaux (and the only one who spoke the Russian language in the whole hospital!) reported to the Russian consulate about the poor treatment of sick and wounded Russian soldiers, as in the absence of translators, the injured would repeatedly be put on a stretcher laying on the injured arm or leg, as the orderlies did not understand what they were told by Russian-speaking soldiers.

Russian soldiers generally were treated on a par with their French colleagues. In Nice, for example, there was a hospital specializing in ophthalmological and venereal diseases. In Brittany, the lower ranks were receiving rehabilitation treatments and in Montpellier there was a "School for maimed soldiers" ("School for the education of the maimed"), where invalids with artificial limbs could study different kinds of crafts (including the craft of manufacturing artificial legs and arms for their fellow wounded), writing using the left hand and literacy, including in the French language. In Marseille, there were medical centers for the manufacture of ophthalmic and dental prostheses, as well as neurological surgery. For the Russian soldiers a center for the treatment of nervous and mental disorders was set in Paris. Some sick and wounded (both from France and from the Balkans) were sent back to Russia for treatment and rehabilitation.

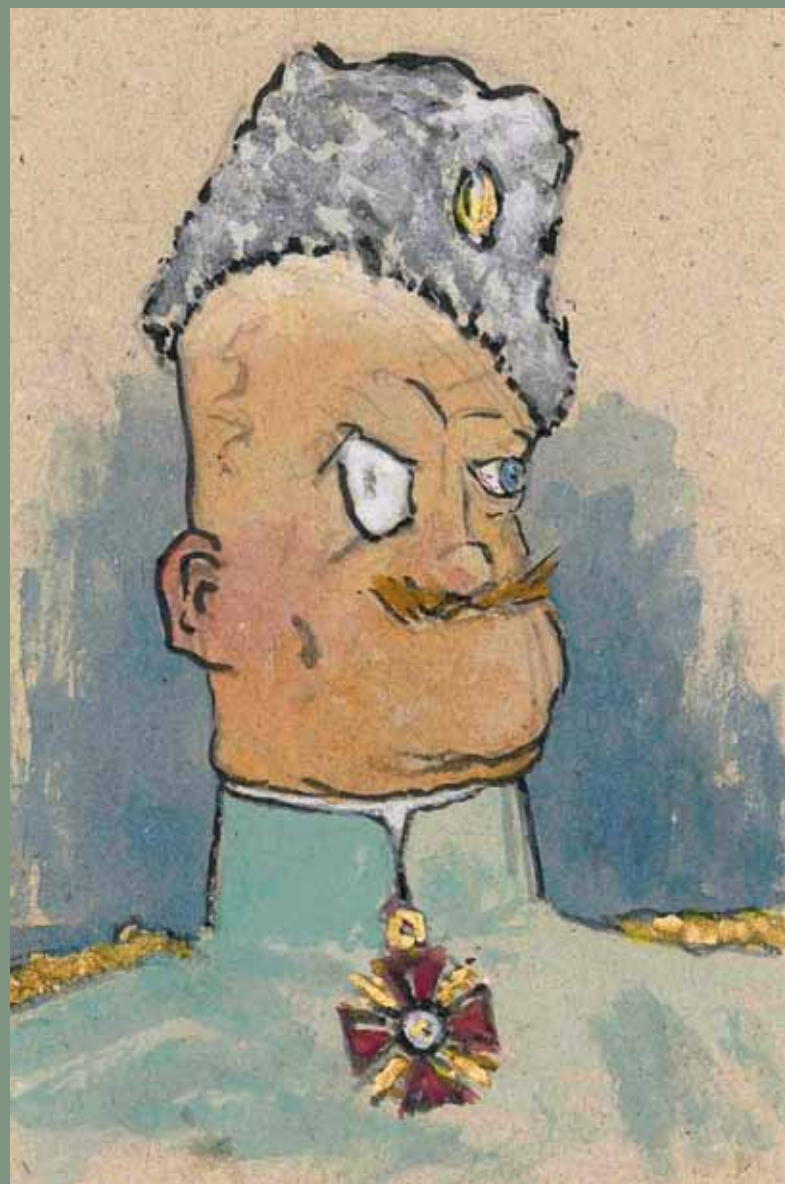
Russian officers, according to their rank, were treated in better conditions. A special department of the "Italian National Union for assistance to foreign travelers" due to the feelings of sympathy and friendship for

РЕНЕ ДЮБЮК. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
МАРУШЕВСКИЙ, КОМАНДИР РУССКОЙ
3-й ОСОБОЙ БРИГАДЫ

RENÉ DUBUC. GÉNÉRAL-MAJOR
MAROYCHEVSKY, COMMANDANT
DE LA 3^E BRIGADE SPÉCIALE RUSSE

RENÉ DUBUC. MAJOR-GENERAL
MARYSHEVSKIY, COMMANDANT
OF THE RUSSIAN 3RD SPECIAL BRIGADE

РЕНЕ ДЮБЮК. ГЕНЕРАЛ НЕЧВОДОЛОВ
RENÉ DUBUC. GÉNÉRAL NETCHVOLODOV
RENÉ DUBUC. GENERAL NECHVODOLOV

РЕНЕ ДЮБЮК. СЕРИЯ ЗАРИСОВОК, СДЕЛАННЫХ С НАТУРЫ

RENÉ DUBUC. SÉRIE D'ESQUISSES PRISES SUR LE VIF

RENÉ DUBUC. NUMBER OF SKETCHES DRAWN FROM LIFE

>

РЕНЕ ДЮБЮК. ИВАН МИШЕЛОВИЧ

RENÉ DUBUC. IVAN MICHELOVITCH

RENÉ DUBUC. IVAN MISHELOVITCH

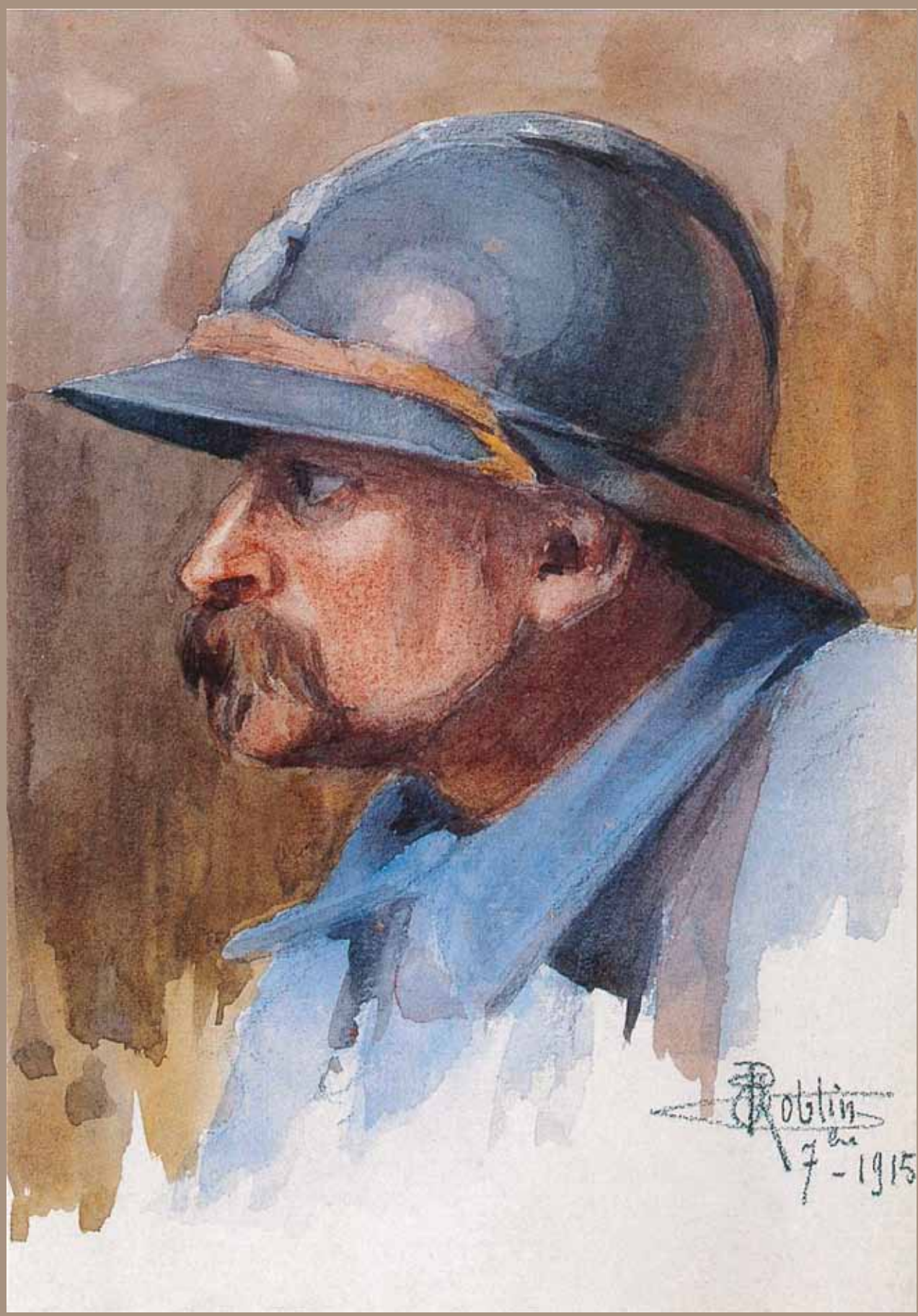

sketch by

W. J. Meadows
Honorable Charles Kerbonado Jr.
Sergeant 1916

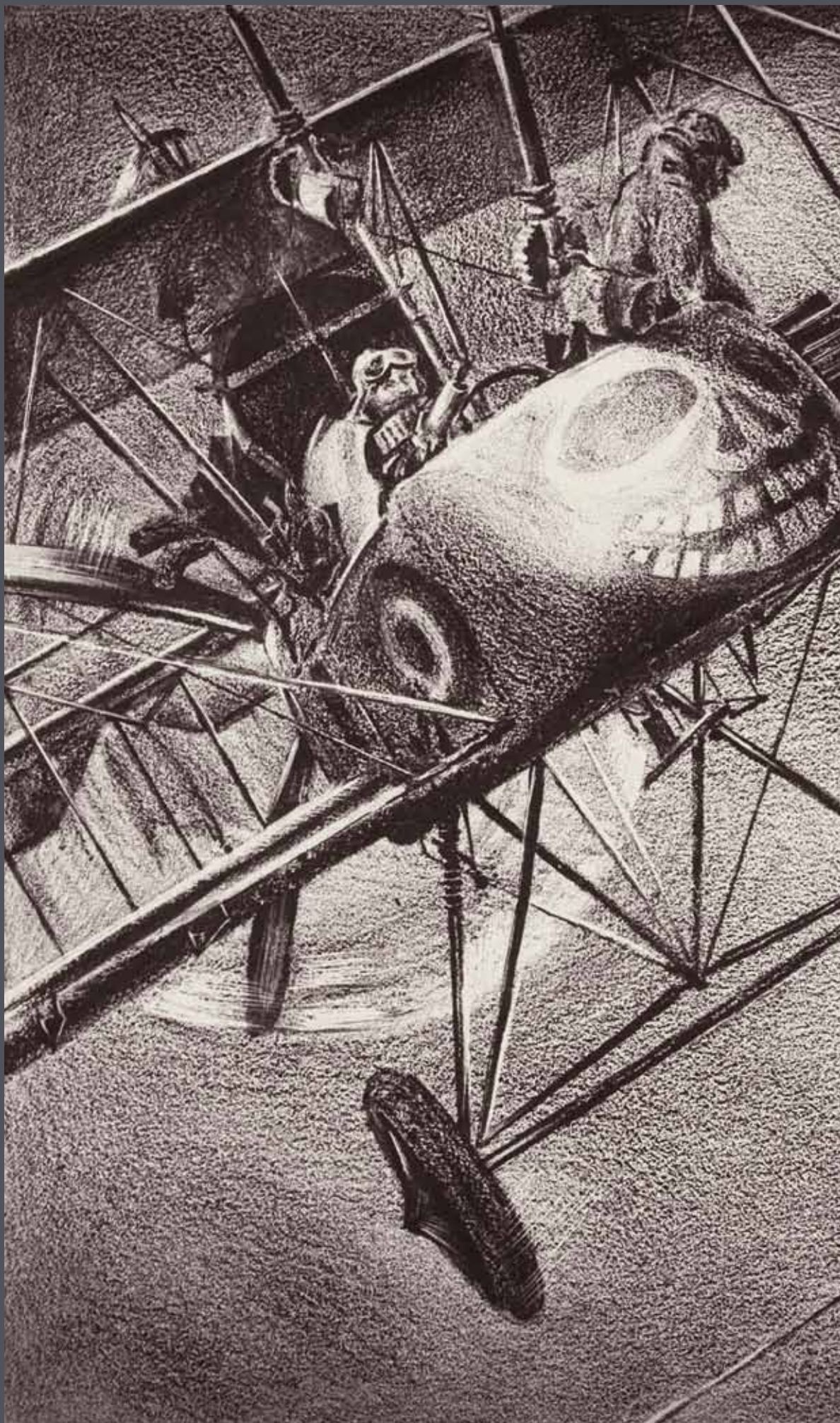

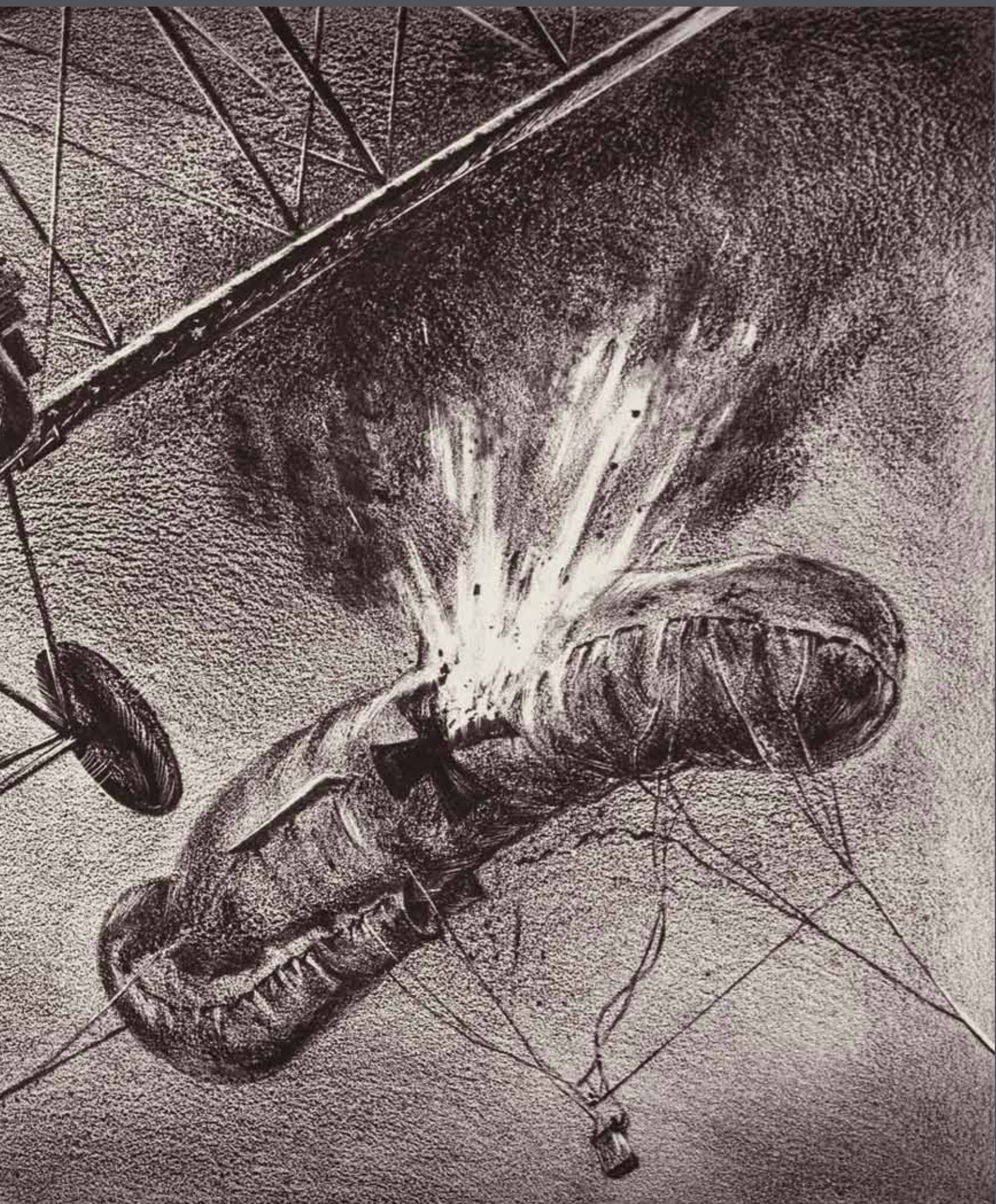
ЖАН-ЖАК БЕРН-БЕЛЬКУР.
ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕХОТИНЕЦ, ПРЕОДОЛЕВАЮЩИЙ
ПРОВОЛОЧНЫЕ ЗАГРАЖДЕНИЯ
JEAN-JACQUES BERNE-BELLECOUR.
FANTASSIN FRANÇAIS RAMPANT DANS LES RÉSEAUX
DE FIL DE FER BARBELÉ
JEAN-JACQUES BERNE-BELLECOUR.
FRENCH INFANTRYMAN OVERCOMING THE BARBED WIRE

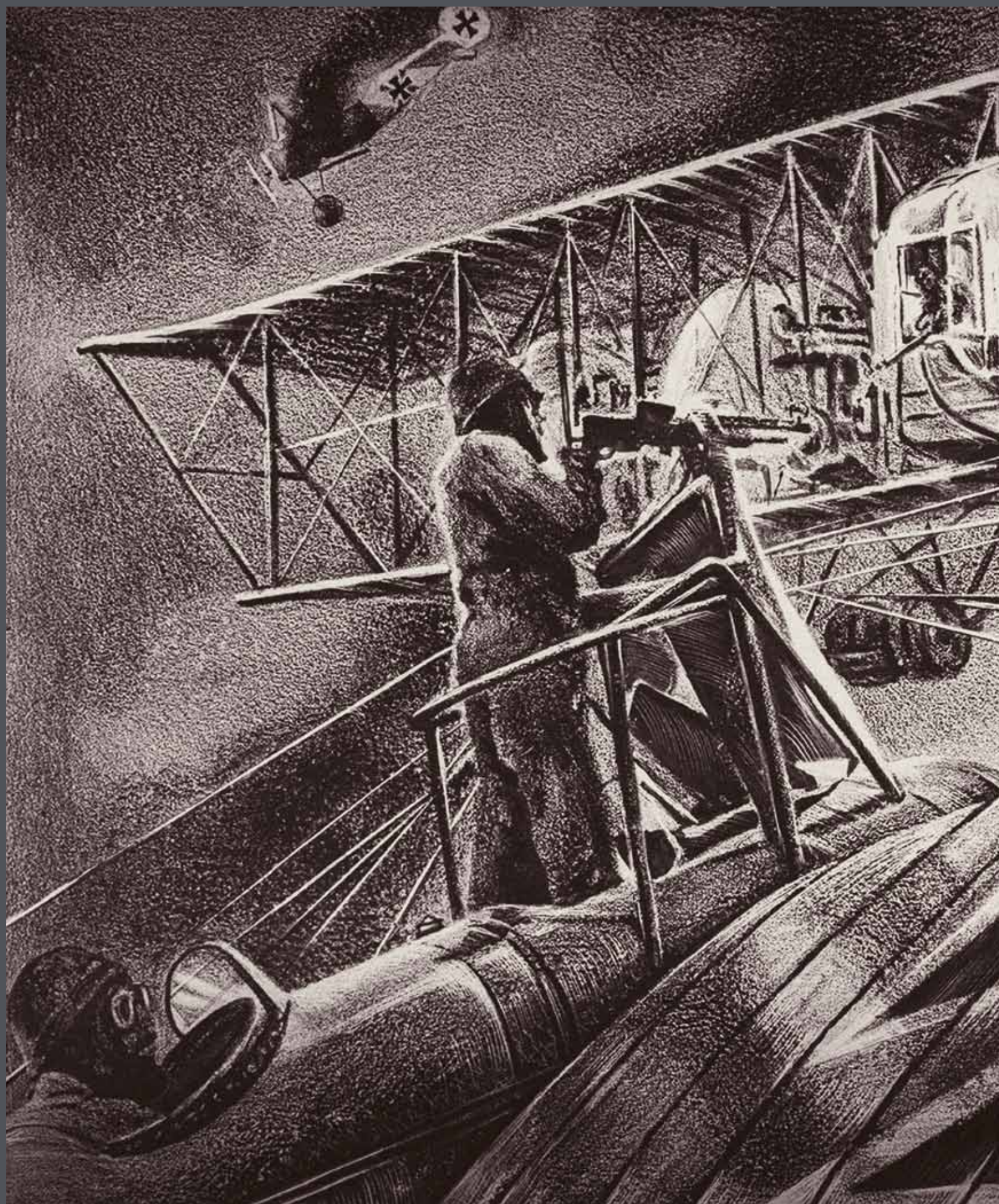
ФРАНЦУЗСКИЙ АЭРОПЛАН СБИВАЕТ
ГЕРМАНСКИЙ АЭРОСТАТ

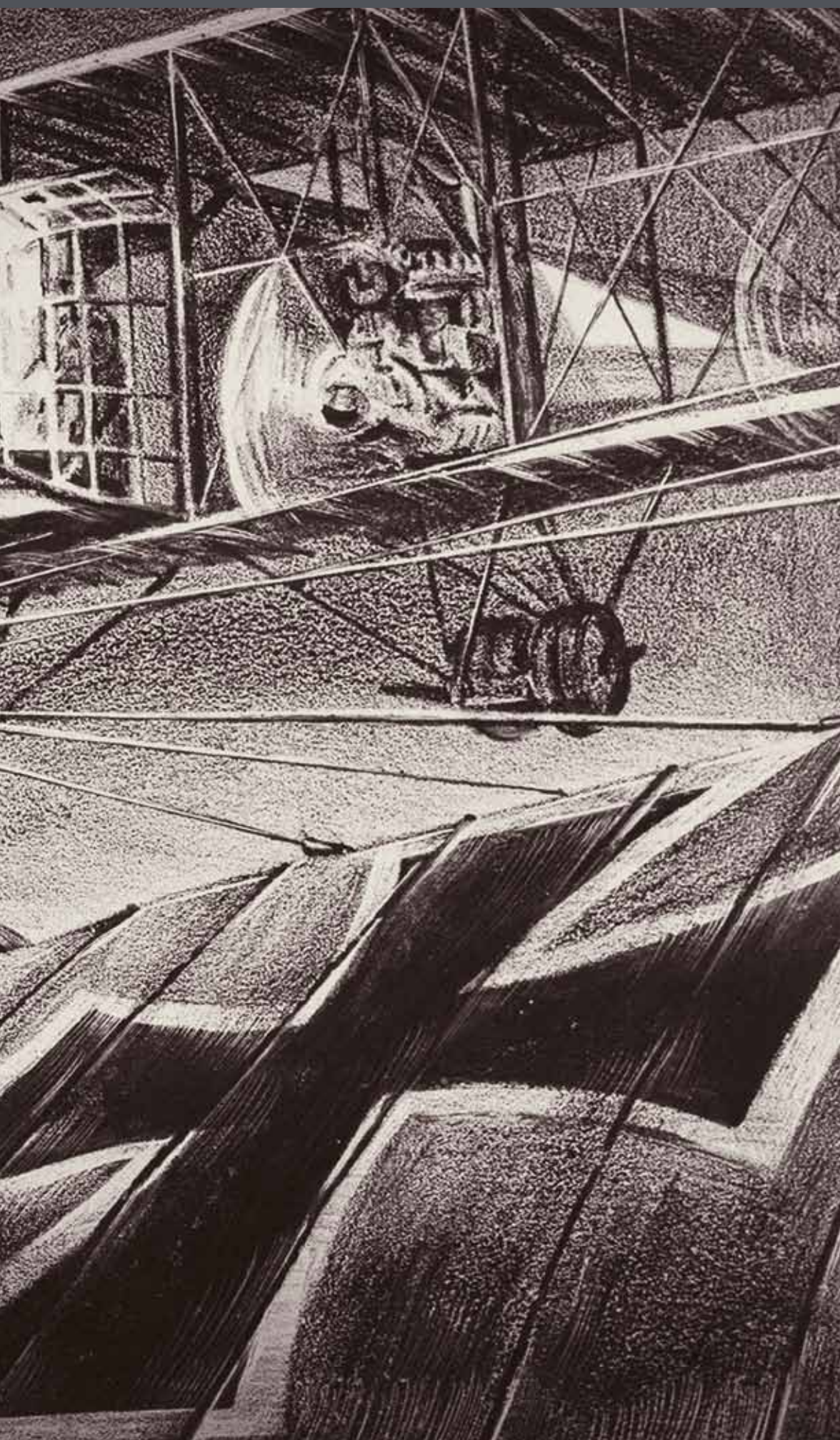
UN AVION FRANÇAIS DESCEND UN BALLON
ALLEMAND

FRENCH AIRPLANE KNOCKS DOWN GERMAN
AIR-BALLOON

«Илья Муромец» в бою с германскими
аэропланами

“L'ILYA MOUROMETZ” DANS UN COMBAT
CONTRE DES AVIONS ALLEMANDS

“ILYA MURAMYETS” IN BATTLE AGAINST
GERMAN AIR-BALLOONS

РАЗВЛЕЧЕНИЕ НА ПРИВАЛЕ
PASSE-TEMPS LORS D'UNE HALTE
CAMP ENTERTAINMENT

ПРИВАЛ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕХОТЫ
HALTE DE L'INFANTERIE FRANÇAISE
REST HALT OF FRENCH INFANTRY

БРИТАНСКИЙ СОЛДАТ, СПЯЩИЙ НА ЛОЖЕ
ИЗ БОЕВЫХ СНАРЯДОВ
SOLDAT BRITANNIQUE DORMANT SUR LE LIT
D'OBUS ACTIFS
BRITISH SOLDIER SLEEPING ON THE BED
OF OPERATIONAL MISSILES

Съ театра войны. Бивакъ артиллеріи у прусской границы.

<

Гармошка – неизменный спутник
русского солдата

ACCORDÉON EST UN COMPAGNON ÉTERNEL
D'UN SOLDAT RUSSE

ACCORDION IS A TRUE FELLOW TRAVELLER
OF A RUSSIAN SOLDIER

Бивак артиллерии у прусской границы

BIVOUAC D'UNE ARTILLERIE PRÈS DE LA
FRONTIÈRE PRUSSIENNE

ARTILLERY ENCAMPMENT NEAR PRUSSIAN
BORDER

<

Русские солдаты несут на руках
английского офицера. 1914–1918

SOLDATS RUSSES PORTENT UN OFFICIER
ANGLAIS EN TRIOMPHE. 1914–1918

RUSSIAN SOLDIERS CARRYING AN ENGLISH
OFFICER SHOULDER HIGH. 1914–1918

Гаубица (мортира), взятая русскими войсками у австрийцев

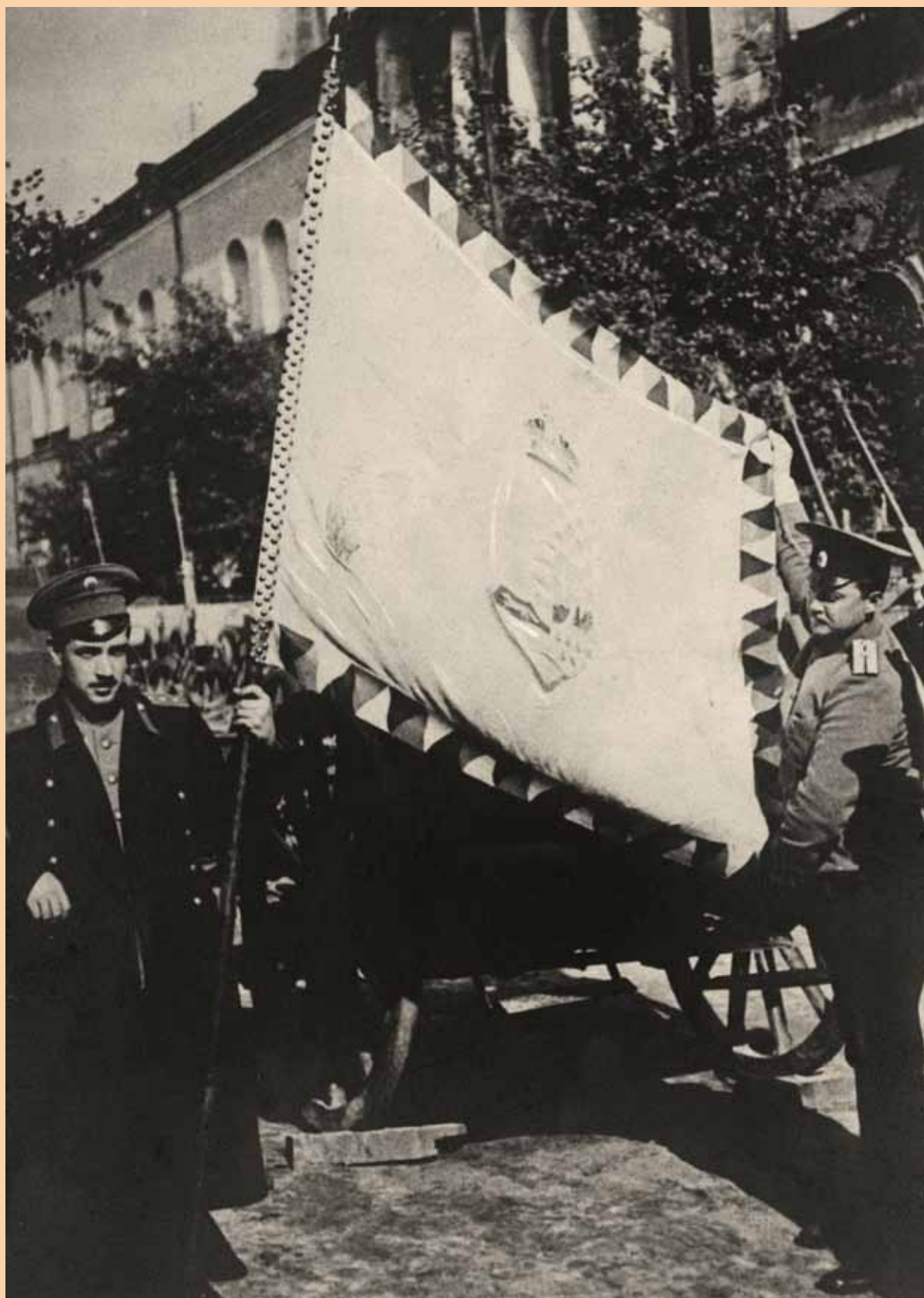
OBUSIER (MORTIER) RAVI PAR LES ARMÉES RUSSES AUX AUTRICHIENS

HOWITZER (MORTAR GUN) TAKEN BY RUSSIAN TROOPS FROM THE AUSTRIANS

«ГЕРМАНСКИЕ ОРУДИЯ» ИЗ СЕРИИ «ВЫСТАВКА ВОЙНЫ – НАШИ ТРОФЕИ»

“PIÈCES ALLEMANDES” DE LA SÉRIE “EXPOSITION DE GUERRE – NOS BUTINS DE GUERRE”

“GERMAN PIECES” FROM THE SERIES “WAR EXHIBITION – OUR TROPHIES”

ВЕНГЕРСКОЕ ЗНАМЯ, ВЗЯТОЕ РУССКИМИ
ВОЙСКАМИ ПОД ЛЬВОВОМ

DRAPEAU HONGROIS RAVI PAR LES ARMÉES
RUSSES PRÈS DE LVOV

HUNGARIAN FLAG TAKEN BY RUSSIAN
TROOPS NEAR LVOV

УДК 93(94)
ББК 63.3(2)524
А 72

А 72 **Антанта:** Сердечное согласие в годы Великой войны. 1914–1918. —
М.: Кучково поле, 2014. — 352 с., илл.

L'Entente: L'Entente Cordiale pendant la Grande Guerre. 1914–1918. —
М.: Koutchkovo pole , 2014. — 352 с., images.

Entente: Entente Cordiale during the Great War. 1914–1918. —
М.: Kuchkovo pole, 2014. — 352 p., images.

ISBN 978-5-9950-0406-6

Дизайн Иван Трофимов
Цветокоррекция Сергей Туровцев
Верстка Галина Зайцева
Корректоры Екатерина Ароян, Екатерина Гоголева
Выпускающий редактор Анастасия Евдокимова

Фотографирование (с. 46–79) — Ю. А. Молодковец, В. С. Терехин,
Л. Г. Хейфец

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 07.06.14. Формат 70×100/8
Усл. печ. л. 57,2. Печать офсетная
Тираж 1000 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии
L.E.G.O. S.P.A.

I SBN 9785995004066

- © Государственный центральный музей современной истории России, Москва, 2014
- © Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург, 2014
- © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2014
- © Государственный мемориальный музей А. В. Суворова, Санкт-Петербург, 2014
- © Центральный музей Вооруженных сил МО РФ, Москва, 2014
- © Государственный историко-архитектурный, художественный и ландшафтный музей-заповедник «Царицыно», Москва, 2014
- © Musée historique Saint-Rémi, Reims, 2014
- © Musée de la Pompelle, Reims, 2014
- © Museo del Risorgimento e della Resistenza, Vicenza, 2014
- © Bibliothèque de documentation internationale contemporaine — Musée d'histoire contemporaine, Paris, 2014
- © Государственный архив Российской Федерации, Москва, 2014
- © Российский государственный военный архив, Москва, 2014
- © Архив внешней политики Российской империи историко-документального департамента МИД РФ, Москва, 2014
- © Центральный государственный архив кинофотофонодокументов, Санкт-Петербург, 2014
- © О. Р. Айрапетов, В. О. Бочаров, М. Буксен, А. Н. Кайгородцев, Ф. Конрад, И. Митчел, М. Пассарин, Т. Симоенс, М. К. Чиняков, статьи, 2014
- © ООО «Кучково поле», макет, 2014